

Обучение на опыте

Уилфред Бион

Перевод Михаила Козлова © 2022 — 2025¹

Перевод выполнен по изданию

The Complete Works of W. R. Bion, Karnac Books 2014, Vol.IV p 259 – 365

Введение

1. Поскольку проблемы, поднятые в этой книге, являются основополагающими для обучения, они имеют долгую историю исследований и обсуждений. В психоаналитической практике, особенно с пациентами, проявляющими симптомы расстройств мышления, становится ясно, что психоанализ добавил новое измерение к самим проблемам, если не к их решению.

2. В этой книге рассматриваются эмоциональные переживания, которые напрямую, и наиболее практическим образом, связаны как с теориями познания, так и с клиническим психоанализом. Человек, обученный философскому методу, обычно не имеет интимного опыта аналитика в работе с нарушениями мыслительных процессов, и даже психоаналитики редко берутся за такие случаи. Мне повезло в этом отношении, но мне не хватает философской подготовки. Однако у меня было преимущество в виде анализа сначала у Джона Рикмана, а затем у Мелани Кляйн.

3. У меня есть опыт, который нужно записать, но я сомневаюсь, как передать этот опыт другим. Эта книга объясняет, почему. Какое-то время я думал сосредоточиться на анализе стажеров. Я уверен, что психоаналитики правы, думая, что это единственный действительно эффективный метод передачи аналитического опыта, который у нас есть в настоящее время. Однако ограничивать свою энергию этой деятельностью — это уже попахивает эзотерическим культом. С другой стороны, публикация книги, такой как эта, может показаться преждевременной. Тем не менее, я полагаю, что, возможно, удастся дать некоторое представление о мире, которое открывается при попытке понять наше понимание. Если читатель испытывает искушение пойти дальше, цель книги достигнута.

4. Я свел заметки и ссылки к минимуму. Они необходимы для того, чтобы продумать мысль до конца, а не просто для чтения книги. Книга рассчитана на то, чтобы ее можно было прочитать целиком за один раз, не заглядывая в те части, которые могут быть непонятны поначалу. Некоторые неясности возникают из-за невозможности писать, не предполагая знакомства с каким-либо аспектом проблемы, над которым работа ведется позже. Если читатель будет читать подряд, эти моменты станут яснее по мере продвижения. К сожалению, неясности существуют также из-за моей неспособности сделать их яснее.

¹ Данный перевод был специально выполнен для семинара-чтения работ Биона и прошел коллективное редактирование в процессе работы семинара. — прим. перев.

Читатель может счесть, что попытка прояснить это для себя полезна, это не просто работа, которую ему навязали, потому что я не делал этого сам.

5. Может показаться, что я неправильно использую слова с устоявшимся значением, как в моем использовании терминов «функция» и «факторы». Один критик указал мне, что эти термины используются двусмысленно, и искушенный читатель может быть введен в заблуждение ассоциацией обоих слов с математикой и философией. Я намеренно использовал их из-за взаимосвязи, и я хочу, чтобы двусмысленность сохранилась. Я хочу, чтобы читатель вспомнил о математике, философии и обыденном употреблении, потому что характеристика человеческого разума, которую я обсуждаю, может развиться таким образом, что на более поздней стадии ее можно будет классифицировать в рамках этих и других понятий. Тем не менее, я не обсуждаю то, чем может стать функция. Мое использование термина призвано указать, что независимо от того, выполняет ли наблюдаемый человек математические вычисления, ходит необычной походкой или совершает завистливый поступок, все это для меня функции личности. Если меня интересует точность его математических выкладок, то это не потому, что меня интересует его математика, а потому, что его математика и точность его работы являются функциями его личности, и я хочу знать, каковы эти факторы.

6. Если читатель снова рассмотрит предыдущий 5 абзац, он увидит, что, заявляя об использовании термина «функция» и желая, чтобы он сохранил свою полуценную ассоциации, я оставляю возможность предполагать, что этот термин будет использоваться мной в соответствии с правилами и соглашениями, которыми математики и философы регулируют его использование. Если я оправдаю это ожидание, можно подумать, что я использую термин «должным образом». Но если я не оправдаю ожидания (возбужденного полуценной ассоциаций, от которой я не избавлюсь), можно обоснованно сказать, что я неправильно использую термин. Тогда, если я соглашусь с критикой, у меня есть возможность либо явно лишить термин его полуценных ассоциаций, либо принять условности использования, подразумеваемые его ассоциациями.

7. На самом деле я не хочу следовать ни тому, ни другому пути. Предположим, я вижу идущего мужчину. Я могу сказать, что его походка является функцией его личности, и после проведенного исследования я пришел к выводу, что факторами, влияющими на эту функцию, являются его любовь к девушке и зависть к ее парню. Или что факторами, влияющими на эту функцию, являются его любовь к девушке и его зависть к ее парню. После дальнейшего расследования я могу решить, что к его любви к девушке добавляется зависть к ее парню; или F (его походка) = $L + E$. (F = функция, L = любовь, E = зависть). Но я могу чувствовать, что мои наблюдения приближаются к кляйнианской теории проективной идентификации, и что я могу лучше всего выразить свое мнение о фактах, сказав, что функциональная ходьба — это признак того, что пациент чувствует, что он обрел любимую девушку, с которой он отождествляет себя, и соперника, которому он завидует, но с которым он также отождествил себя, и что оба объекта контролируются тем, что находятся у него в ногах. Я избавлю читателя от геометрической фигуры, выражющей эту последнюю идею “математически”, но попрошу его подумать, не являются ли в главе I термины “функция” и “фактор” неправильными. Я понимаю, что такое использование может привести к путанице, но не

могу согласиться с тем, что его можно однозначно объявить неправильным. В следующей главе я утверждаю, что использование идей и символов, их представляющих, менее развито, чем процесс, посредством которого идеи развиваются. По этой причине я готов поверить, что неправильно использую идею, или ее символ, или и то, и другое, но я не готов согласиться с тем, что пока не существует окончательного критерия, по которому можно решить этот вопрос. В психоаналитической методологии критерием является не то, является ли конкретное употребление правильным или неправильным, значимым или поддающимся проверке, а то, способствует ли оно развитию или нет.

8. Я не утверждаю, что содействие развитию является безусловным критерием. Психоаналитическая теория и практика в случаях, когда мышление демонстрирует серьезные нарушения, указывают на необходимость переформулирования представлений о происхождении и природе мыслей и параллельной переформулировки представлений о механизмах, с помощью которых достигается «обдумывание» мыслей. Но если необходимо изменить наши взгляды на мысли и механизмы мышления, то вполне вероятно, что изменение взглядов, если оно будет таким значительным, как я думаю, потребует изменения способа, которым мы производим «мысли», и методов, которые мы применяем для их использования. Мой метод создания «фактора» и «функции» (и их пригодности для представления/отображения осознания) не обязательно неверен, поскольку он отличается от методов, обычно принимаемых как соответствующие правильному созданию, природе и использованию концепций, но мой метод поэтому не освобождается от критического исследования, которому, по моему мнению, должно подвергаться всякое мышление в свете психоаналитического опыта.

9. Методы, изложенные в этой книге, не являются окончательными. Даже когда я осознавал, что они неадекватны, я часто не мог их улучшить. Я оказался в положении, похожем на положение ученого, который продолжает использовать теорию, которая, как он знает, ошибочна, потому что не было найдено лучшей, чтобы заменить ее.

Краткое содержание

Следующий план книги может служить примерным руководством:

Глава 1 содержит предварительное объяснение двух терминов.

Глава 2 разграничивает области, в которой я хочу использовать термины как часть моего исследовательского инструментария.

Глава 3 начинается со стилизованного описания эмоциональных переживаний, осознаний, в которых я принимал участие, которые формируют стимул для всей этой книги. Под "стилизованным" я подразумеваю сознательно изощренный подход, поскольку фальсификация, вносимая таким способом представления, неизмеримо меньше, чем фальсификация, производимая любыми другими способами, включая так называемые механические записи. В этих последних есть та правда, которая присуща фотографии, но создание такой записи, несмотря на внешнюю точность результата, отодвинуло фальсификацию еще дальше — то есть на саму сессию. Фотография источника истины, возможно, и хороша, но на ней источник запечатлен после того, как фотограф и его

аппаратура замутили его. В любом случае проблема интерпретации фотографии сохраняется. Фальсификация с помощью записи тем более значительна, что она придает правдоподобие тому, что уже было фальсифицировано.

Глава 4 представляет собой краткое изложение некоторых идей, которые обсуждаются на протяжении всей этой книги.

Главы 5–11 представляют собой краткое описание клинических явлений, связанных с темой книги. Они знакомы аналитикам, но изложены в терминах, которые, вероятно, более понятны аналитикам, обученным теориям Кляйн. В описании указано, для чего я использую термины "альфа-функция" и "контактный барьер", а в конце главы 11 я обращаю внимание на важность выбора между изменением фрустрации и избеганием ее.

Глава 12 начинается с обсуждения проективной идентификации и ее влияния на зарождение мышления. Далее речь идет о роли, которую играет оральный и пищевой опыт в формировании модели мышления. Я обращаю внимание на серьезные последствия для развития матери, неспособной к блужданию мысли (*reverie*).

В главе 13 рассматриваются проблемы записи сессий и теории, используемые аналитиком, а также обсуждаются возможности, которые предлагает подход к методу научной записи в главе 14.

В главах 14 – 16 вводятся знаки L, H и K для использования при обсуждении содержания этой книги.

Главы 17–18 возвращаются к использованию абстракции «альфа-функция» для обсуждения зарождения мыслей. Затем обсуждаются проблемы абстракции или обобщения и конкретизации или детализации.

В главе 19 начинается обсуждение использования психоаналитических моделей.

Глава 20 представляет собой исследование абстракции, в котором делается попытка с помощью абстрактных знаков прояснить некоторые проблемы абстракции, возникающие в ходе анализа.

Глава 21 знакомит с кляйнианской теорией чередования между депрессивной и параноидно-шизоидной позициями: исследуется ее связь с обучением и эмоциональным опытом, связанным с терминами, используемыми в теориях причинности.

В главах 22–23 обсуждается создание моделей и абстрагирование в контексте аналитической практики.

Главы 24–27 продолжают объяснение с особым акцентом на обучение (K-связь).

Глава 28 представляет собой разработку той же темы с минус K (-K).

1

1. Называть действие именем человека, для которого оно считается типичным, говорить, например, о спунеризме², как если бы это было функцией личности человека по фамилии Спунер, - вполне обычное дело в разговоре. Я воспользуюсь этим применением в своих интересах, чтобы вывести теорию функций, которая выдержит более строгое использование, чем та, для которой используется разговорная фраза. Я предположу, что в личности есть факторы, которые объединяются, чтобы производить устойчивые сущности, которые я называю функциями личности. Значение, которое я придаю терминам «факторы» и «функции», и то, как я их использую, вскоре прояснится, но некоторые предварительные пояснения, возможно, не помешают.

2. Утверждение «Фактор в личности X, который нам придется принять во внимание, — это его зависть к своим коллегам», может быть сделано любым неспециалистом и может означать мало или много. Его ценность зависит от нашей оценки человека, который его делает, и от веса, который он придает своим собственным словам. Сила утверждения повлияет, если я придаю термину «зависть» вес и значение, которые в него вложила миссис Кляйн.

3. Предположим теперь другое утверждение: «Отношения X с его соратниками типичны для личности, в которой зависть является фактором». Это утверждение выражает наблюдение функции, факторами в которой являются перенос и зависть. То, что наблюдается, — это не перенос или зависть, а нечто, что является функцией переноса и зависти. Необходимо, по мере продолжения психоанализа, выводить новые факторы из изменений, наблюдавшихся в функции, и различать различные функции.

4. «Функция» — это название умственной деятельности, свойственной ряду факторов, действующих совместно. «Фактор» — это название умственной деятельности, действующей совместно с другими умственными видами деятельности, чтобы составить функцию. Факторы выводятся из наблюдения функций, частью которых они, в совокупности друг с другом, являются. Они могут быть теориями или реальностями, которые представляют теории. Они могут показаться общими местами обычного понимания. Они таковыми не являются, потому что слово, используемое для обозначения фактора, используется научно и, следовательно, более строго, чем обычно в разговорном английском. Факторы выводятся не напрямую, а путем наблюдения функций.

2 Спунеризм (англ. spoonerism) — умышленная (сознательная) или неумышленная (нечаянная) оговорка или игра слов, при которой два (или больше) близких слова в предложении меняются начальными частями, слогами или отдельными буквами/звуками, часто вызывая комический эффект. Русскоязычному читателю хорошо знаком, например, спунеризм «вагонуважаемый глубокоуважатый» из детского стихотворения Самуила Маршака «Вот какой рассеянный». — прим. перев.

5. Теория функций облегчает сопоставление воплощения³ [или осознания] с дедуктивной системой⁴, которая ее представляет. Более того, ее использование придает гибкость аналитической теории, которую, возможно, придется использовать в самых разных аналитических ситуациях, не нарушая постоянства и стабильности структуры, частью которой она является. Кроме того, в силу теории функций дедуктивные системы, обладающие высокой степенью обобщения, можно рассматривать как представляющие наблюдения в анализе конкретного пациента. Поскольку психоаналитическая теория должна применяться к изменениям, происходящим в личности пациента, это важно. Если аналитик наблюдает функции и выводит из них связанные с ними факторы, разрыв между теорией и наблюдением может быть преодолен без разработки новых и, возможно, ошибочных теорий.

6. Функция, которую я собираюсь обсудить по причине присущей ей важности, также служит для иллюстрации того, как можно использовать теорию функций. Я называю эту функцию альфа-функцией, чтобы я мог говорить о ней, не будучи ограниченным существующей полутенью ассоциаций, как это было бы, если бы я использовал более значимый термин. Напротив, значение теорий, которые появляются как факторы, должно быть сохранено и использовано как можно более строго. Я предполагаю, что значение было достаточно ясно изложено авторами и другими, кто обсуждал теории с критическим сочувствием. Свобода, подразумеваемая в использовании термина альфа-функция, и концентрация точности выражения и использования во всем, что относится к факторам, придает «гибкость без ущерба для структуры». Может показаться, что использование мной существующей теории искажает смысл автора. Если я так думаю, я это признаю, но в противном случае следует предположить, что я считаю, что правильно интерпретирую теорию автора. Я предполагаю, что смысл был достаточно ясно изложен авторами и другими, кто обсуждал теории с критическим сочувствием.

7. Термин альфа-функция намеренно лишен смысла. Прежде чем указать область исследования, в которой я предлагаю его использовать, я должен обсудить одну из проблем, сопутствующих этому исследованию. Поскольку цель этого бессмысленного термина — предоставить психоаналитическому исследованию аналог математической переменной, неизвестную, которой можно придать значение, когда ее использование помогло бы определить, каково это значение, важно, чтобы она не использовалась преждевременно для передачи значений, поскольку преждевременные значения могут быть именно теми, которые необходимо исключить. Однако сам факт того, что термин "альфа-функция" будет использоваться в конкретном исследовании, неизбежно приводит к тому, что в него вкладываются значения, полученные из исследований, которые в этой области уже были проведены⁵. Поэтому необходимо проявлять постоянную бдительность, чтобы предотвратить

3 Термин “воплощение” (англ. realization) используется в том смысле, который он имеет, если говорится, что евклидова геометрия трех измерений имеет структуру обычного пространства в качестве одного из своих воплощений. Это выражение используется в легко доступной форме в книге "Алгебраическая проективная геометрия", Semple & Kneebone (издательство Оксфордского университета, 1956), глава 1, где обсуждается концепция геометрии.

4 Термин “дедуктивная система”, или “научная дедуктивная система”, используется для обозначения любого приближения к логическим системам, описанным в книге Р. Б. Брэйтвайта "Научное объяснение" (издательство Кембриджского университета, 1955), глава 2 и далее.

5 Сравните: К. Р. Поппер, "Логика научного открытия" (Хатчинсон, 1959), стр. 35, примечание 2, где эта трудность превосходно проиллюстрирована.

такое развитие событий, в противном случае ценность инструмента будет снижена с самого начала. Область исследования примерно совпадает с описанной в моей следующей главе.

2

1. Описывая институт принципа реальности, Фройд сказал: «Возросшее значение внешней реальности также повысило значение органов чувств, направленных на этот внешний мир, и сознания, связанного с ними; последнее теперь научилось понимать качества чувств в дополнение к качествам удовольствия и боли, которые представляли для него интерес до сих пор». Я подчеркиваю, «последнее теперь научилось понимать»; под «последним» Фройд, по-видимому, подразумевает «сознание, связанное с чувственными впечатлениями»^{6,7}. Приписывание понимания сознанию я обсуждаю позже. Непосредственный интерес представляет функция самого понимания. Понимание чувственных впечатлений и понимание качеств удовольствия и боли исследуются в этом обсуждении. Я рассматриваю чувственные впечатления, удовольствие и боль как одинаково реальные, тем самым отбрасывая различие, которое Фройд проводит между «внешним миром» и удовольствием и болью, как не имеющее отношения к теме понимания. Однако я рассмотрю влияние принципа Удовольствия и принципа Реальности на выбор, который пациент может сделать между изменением фruстрации и избеганием ее.

2. Приписывание понимания сознанию приводит к противоречиям, которых можно избежать, приняв для целей теории, которую я хочу предложить, более позднюю концептуализацию Фройда: «Но какую роль в нашей схеме сознанию, которое когда-то было столь всемогущим и скрывало все остальное от глаз, ему еще предстоит сыграть? Только роль органа чувств для восприятия психических качеств»⁸ (курсив Фройда).

3. Продолжая цитату из «Формулировок двух принципов психического функционирования» Фройда, «была установлена особая функция, которая должна была периодически исследовать внешний мир, чтобы ее данные могли быть уже знакомы, если возникнет настоятельная внутренняя потребность; эта функция была вниманием. Ее деятельность встречает чувственные впечатления на полпути, а не ждет их появления»⁹. Фройд не зашел далеко в своем исследовании внимания, но этот термин, как он его использует, имеет значение, которое я бы исследовал как фактор альфа-функции.

4. Фройд продолжает: «В то же время, вероятно, была введена система записи, задачей которой было записывать результаты этой периодической деятельности сознания – часть того, что мы называем памятью». Запись и запоминание результатов внимания – это также явления, которые следует исследовать с помощью теории альфа-функции.

6 «Формулировка двух принципов психического функционирования» (1911b), в стандартном издании, 12. Цитаты и ссылки в этой главе, предназначенные для обозначения границ области, в которой я хотел бы использовать концепцию альфа-функции, выбраны не с той тщательностью, которую я считаю необходимой, если выбор сделан для использования в научной теории или в качестве фактора для использования в теории управления.

7 В переводе А. М. Боковикова «Положение о двух принципах психического события» — прим.перев.

8 3. Фройд «Толкование сновидений» (Freud, 1900a)

9 3. Фройд «Положение о двух принципах психического события» (Freud, 1911b)

5. Будут рассмотрены некоторые теории Мелани Кляйн и ее коллег; я перечислю их здесь. Это: расщепление и проективная идентификация;¹⁰ переход от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции и наоборот;¹¹ формирование символов¹² и некоторые из моих предыдущих работ по развитию вербального мышления.¹³ Я не буду обсуждать их, за исключением факторов, модифицированных путем комбинирования друг с другом в функции. Это все о предыдущих работах; теперь я приведу пример использования этой теории функций в психоаналитическом исследовании области, охватываемой работой, упомянутой в этой главе.

3

1. Эмоциональный опыт, происходящий во сне, который я выбрал по причинам, которые сейчас станут ясны, не отличается от эмоционального опыта, происходящего во время бодрствования, тем, что в обоих случаях восприятие эмоционального опыта должно быть обработано альфа-функцией, прежде чем оно может быть использовано для мыслей во сне.

2. Альфа-функция оперирует/обрабатывает чувственными впечатлениями, какими бы они ни были, и эмоциями, какими бы они ни были, которые пациент осознает. Если альфа-функция успешна, то производятся альфа-элементы, которые подходят для сохранения и удовлетворения потребностей мыслей сновидений. Если альфа-функция нарушена и, следовательно, не действует, чувственные впечатления, которые пациент осознаёт, и эмоции, которые он испытывает, остаются неизменными. Я буду называть их бета-элементами¹⁴. В отличие от альфа-элементов, бета-элементы не ощущаются как феномены/явления¹⁵, но как вещи в себе. Эмоции также являются объектами чувств. Таким образом, мы сталкиваемся с состоянием ума, точно контрастирующим с состоянием ученого, который знает, что он занимается явлениями, но не имеет той же уверенности, что явления имеют аналог вещей в себе.

3. Бета-элементы не поддаются использованию в мыслях сновидений, но подходят для использования в проективной идентификации. Они оказывают влияние на отыгрывание. Это объекты, которые могут быть эвакуированы или использованы для своего рода мышления, которое зависит от манипуляции тем, что ощущается как вещи в себе, как будто для замены слов или идей такой манипуляцией. Например, человек может убить своих родителей и поэтому чувствовать себя свободным любить, поскольку антисексуальные внутренние родители, как предполагается, были эвакуированы этим актом. Такой акт предназначен «избавить психику от наслоений стимулов». Бета-элементы хранятся, но отличаются от альфа-элементов тем, что они являются не столько объектами памяти, сколько

10 М. Кляйн (1946), «Заметки о некоторых шизоидных механизмах», в «Достижениях психоанализа», стр. 300.

11 М. Кляйн, там же, стр. 293.

12 «Важность формирования символов в развитии Эго» (1930b), в книге М. Кляйн "Любовь, вина и возмещение" и другие работы, 1921-1945, стр. 219.

13 У. Р. Бион, "Отличие психотической [части] личности от непсихотической", Международный журнал психоанализа, 38 (1957): 266-275 [в "Second Thoughts", том VI].

14 [Бион впервые использовал термин 'бета-элемент'. Ред.]

15 И я использую термин "феномены", чтобы охватить то, что Кант называл вторичными и первичными качествами. Термина "вещи в себе" я придерживаюсь вместе с Кантом для обозначения объектов, которые непознаваемы для человечества.

непереработанными фактами, тогда как альфа-элементы были переработаны альфа-функцией и, таким образом, стали доступны для мышления. Важно различать объекты памяти и непереработанные факты — бета-элементы. (Использование терминов «переработанный» и «непереработанный» будет рассмотрено позже.)

4. Если пациент не может преобразовать свой эмоциональный опыт в альфа-элементы, он не может видеть сны. Альфа-функция преобразует чувственные впечатления в альфа-элементы, которые напоминают и могут быть фактически идентичны визуальным образам, с которыми мы знакомы во сне, а именно, элементам, которые Фрейд считает выдающими свое скрытое содержание, когда аналитик их интерпретирует. Фрейд показал, что одна из функций сновидения — сохранение сна. Неудача альфа-функции означает, что пациент не может видеть сны и, следовательно, не может спать. Поскольку альфа-функция делает чувственные впечатления эмоционального опыта доступными для сознания и сновидного мышления, пациент, который не может видеть сны, не может заснуть и не может проснуться. Отсюда и своеобразное состояние, наблюдаемое клинически, когда психотический пациент ведет себя так, как будто он находится именно в этом состоянии.

4

1. Эмоциональный опыт теперь следует рассматривать в целом, а не только в том виде, в котором он происходит во сне. Я подчеркну то, что я сказал до сих пор, переписав популярную теорию кошмара. Раньше говорили, что человек видел кошмар, потому что у него было несварение желудка, и поэтому он проснулся в панике. Моя версия такова: спящий пациент в панике; поскольку у него не может быть кошмара, он не может проснуться или заснуть; с тех пор у него психическое несварение желудка.

2. Более общее утверждение теории таково: чтобы учиться на опыте, альфа-функция должна работать на осознании эмоционального опыта. Альфа-элементы производятся из впечатлений от опыта. Таким образом, они становятся сохраняемыми и доступными для мыслей во сне и для бессознательного мышления наяву. Ребенок, имеющий эмоциональный опыт, называемый обучением ходьбе, способен благодаря альфа-функции сохранять этот опыт. Мысли, которые изначально должны были быть осознанными, становятся бессознательными, и поэтому ребенок может осуществлять все мышление, необходимое для ходьбы, больше не осознавая ничего из него. Альфа-функция необходима для осознанного мышления и рассуждения, а также для перевода мышления в бессознательное, когда необходимо освободить сознание от бремени мысли, освоив навык.

3. Если есть только бета-элементы, которые невозможно сделать бессознательными, не может быть никакого вытеснения, подавления или обучения. Это создает впечатление, что пациент не способен к различению. Он не может отказать в осознании ни одному сенсорному стимулу, однако такая гиперчувствительность не является контактом с реальностью.

4. Атаки на альфа-функцию, стимулируемые ненавистью или завистью, уничтожают возможность сознательного контакта пациента с самим собой или с другим как с живыми объектами. Соответственно, мы слышим о неодушевленных предметах и даже о местах, тогда как обычно ожидали бы услышать о людях. Они, хотя и описаны словесно, ощущаются

пациентом как присутствующие материально, а не просто представленные своими именами. Это состояние контрастирует с анимизмом тем, что живые объекты наделены качествами смерти.

5

1. Теперь нам нужно рассмотреть принудительное расщепление, связанное с нарушенными отношениями с грудью или ее заменителями. Младенец получает от груди молоко и другие блага, а также любовь, понимание, утешение. Предположим, его инициатива блокируется страхом агрессии, своей или чужой. Если эмоция достаточно сильна, она подавляет импульс младенца к получению пищи.

Любовь у младенца или матери, или у обоих, скорее увеличивает, препятствие, чем уменьшает его отчасти потому, что любовь неотделима от зависти¹⁶ к объекту, который так любят, отчасти потому, что она, как ощущается, вызывает зависть и ревность в третьем объекте, который исключается. Роль, которую играет любовь, может остаться незамеченной, потому что зависть, соперничество и ненависть затмевают ее, хотя ненависти не было бы, если бы не было любви. Натиск [или жестокость/насилие/ярость т. е. неконтролируемый всплеск] эмоций приводит к усилинию препятствия, потому что насилие неотличимо от разрушительности и последующего чувства вины и депрессии. Страх смерти от голода заставляет возобновить сосание. Развивается разрыв между материальным и психическим удовлетворением.

2. Страх, ненависть и зависть настолько ужасны, что предпринимаются шаги по уничтожению осознания всех чувств, хотя это неотличимо от лишения жизни как таковой¹⁷. Если чувство реальности, слишком сильное, чтобы быть подавленным эмоциями, вынуждает младенца возобновить кормление, то нетерпимость к зависти и ненависти в ситуации, стимулирующей любовь и благодарность, приводит к расщеплению, которое отличается от расщепления, осуществляющего для предотвращения депрессии. Оно отличается от расщепления, вызванного садистскими импульсами, тем, что его цель и эффект заключаются в том, чтобы дать младенцу возможность получить то, что позже в жизни будет называться материальными благами, без признания существования живого объекта, от которого эти блага зависят. Зависть, вызванная грудью, которая дает любовь, понимание, опыт и мудрость, создает проблему, которая решается путем разрушения альфа-функции. Из-за этого грудь и младенец кажутся неодушевленными, что влечет за собой чувство вины, страх самоубийства и убийства, прошлого, настоящего и надвигающегося. Потребность в любви, понимании и умственном развитии, поскольку она не может быть удовлетворена, теперь отклоняется на поиск материальных благ. Поскольку желания материальных благ усиливаются, тяга к любви остается неудовлетворенной и превращается в чрезмерную и необоснованную жадность.

3. Это расщепление, усиленное голodom и страхом смерти от голода, с одной стороны, и любовью и страхом связанной с ней убийственной зависти и ненависти, с другой, создает психическое состояние, в котором пациент жадно гонится за любой формой материального

16 Термин «зависть» здесь используется для общего описания феномена, подробно описанного Мелани Кляйн в книге «Зависть и благодарность» (1957).

17 См. главу 4 абзац 4

комфорта. Он одновременно ненасытен и неумолим в своем стремлении к насыщению. Поскольку это состояние возникает из потребности избавиться от эмоциональных осложнений осознания жизни и отношений с живыми объектами, пациент, по-видимому, неспособен на благодарность или заботу ни о себе, ни о других. Это состояние подразумевает разрушение его заботы об истине. Поскольку эти механизмы не могут избавить пациента от его болей, которые, как он чувствует, вызваны нехваткой чего-либо, его стремление к излечению принимает форму поиска потерянного объекта и заканчивается возросшей зависимостью от материального комфорта, где определяющим соображением должно быть количество, а не качество. Он чувствует себя окруженным странными объектами¹⁸, так что даже материальные удобства плохи и неспособны удовлетворить его потребности. Однако ему недостаёт аппарата, альфа-функции, с помощью которой он мог бы разобраться в своем затруднительном положении. Пациент жадно и боязливо берет один бета-элемент за другим, по-видимому, неспособный представить себе никакой другой деятельности, кроме интроверсии большего количества бета-элементов. Наблюдать за происходящим в психоанализе — значит чувствовать, что пациент никогда не откажется от своего стремления к действию, о тщетности которого он, казалось бы, не мог не знать. Он думает, что интерпретации без исключения плохи, но он должен получать их все больше и больше. Однако пациент не чувствует, что у него есть интерпретации, поскольку это включало бы способность устанавливать с аналитиком аналог отношений младенца с грудью, которая дает материальную мудрость и любовь. Но он чувствует, что способен установить только подобие отношений, в которых можно получать такую поддержку, какую могут обеспечить неодушевленные предметы. У него могут быть аналитические интерпретации, которые он считает либо несостоятельными, либо замечательными скорее тем, чем они не являются, чем тем, что они есть. Тот факт, что пациент, чтобы установить контакт с самим собой, использует оснастку, подходящую для контакта с неодушевленным, помогает объяснить путаницу, вызванную осознанием пациентом того, что он на самом деле жив¹⁹. Хотя он чувствует, что в его окружении нет ничего спасительного, включая интерпретации аналитика и его собственную недостаточную подготовленность к тому, чтобы извлечь что-либо из своего опыта, пациент в конечном счете улавливает некоторый смысл того, что ему говорят.

6

1. Отношение пациента к материальному комфорту проявляется в его реакции на материальные удобства, кушетку или другие предметы обстановки в кабинете. Почему он должен иметь все больше и больше таких «удобств»? Частично ответ кроется в расщеплении, которое предполагает отделение материального комфорта от психического как избавление от страха зависимости, своей или чужой.
2. Попытка избежать опыта контакта с живыми объектами путем разрушения альфа-функции оставляет личность неспособной иметь отношения с любым аспектом себя, который не напоминает автомат. Только бета-элементы доступны для любой деятельности, заменяющей мышление, а бета-элементы пригодны только для эвакуации — возможно, с помощью проективной идентификации. С этими бета-элементами имеет дело процедура

18 У. Р. Бион, «Отличие психотических [частей] личностей от непсихотических»

19 См. главу 6 абзац 2

эвакуации, подобная движениям мускулатуры, изменениям мимики и т. д., которые Фройд описал как предназначенные для освобождения личности от накоплений стимулов, а не для изменения окружающей среды. Мышечное движение, например, улыбка, должно интерпретироваться иначе, чем улыбка непсихотической личности. Явления, наблюдаемые в анализе, не идентичны описанию Фройдом личности, действующей во время фазы доминирования принципа удовольствия, чтобы освободиться от нагромождения стимулов. Такая личность в определенных пределах является нормальной, личность, которую я описываю, крайне ненормальна. Деятельность по освобождению личности от скоплений стимулов, происходящая при доминировании принципа удовольствия, сменяется в фазе доминирования принципа реальности изгнанием нежелательных бета-элементов. Улыбку или словесное высказывание следует интерпретировать как выталкивающее мышечное движение, а не как выражение чувств. Ученый, чьи исследования касаются самой жизни, оказывается в ситуации, аналогичной ситуации с пациентами, которых я описываю. Нарушение способности пациента мыслить приводит к доминированию психической жизни, в которой его вселенная населена неодушевленными предметами. Неспособность даже самых развитых человеческих существ использовать свои мысли, поскольку способность мыслить являетсяrudimentарной у каждого из нас, означает, что поле для исследования, а все исследования в конечном счете являются научными, ограничено, в силу человеческой неадекватности по отношению к тем явлениям, которые имеют характеристики неодушевленных²⁰. Мы предполагаем, что психотическое ограничение вызвано болезнью, а ограничение ученого - нет. Исследование этого предположения проливает свет на болезнь, с одной стороны, и на научный метод - с другой. Похоже, что нашеrudimentарное оборудование для «обдумывания» мыслей адекватно, когда проблемы связаны с неодушевленным, но не тогда, когда объектом исследования является феномен жизни как таковой. Столкнувшись со сложностями человеческого разума, аналитик должен с осторожностью следовать даже принятому научному методу; слабость метода может быть ближе к слабости психотического мышления, чем это может показаться при поверхностном рассмотрении.

7

1. Если человек испытывает эмоциональные переживания во сне или наяву и способен преобразовать их в альфа-элементы, он может либо осознавать это эмоциональное переживание, либо сохранить его бессознательным. Спящий человек испытывает эмоциональные переживания, преобразует их в альфа-элементы и, таким образом, становится способным к мыслям во сне. Соответственно, он может свободно прийти в сознание (то есть проснуться) и описать свои эмоциональные переживания с помощью повествования, обычно известного как [пересказанный] сон.

2. Человек, разговаривающий с другом, преобразует чувственные впечатления этого эмоционального опыта в альфа-элементы, таким образом становясь способным к мыслям во сне и, следовательно, к ненаруженному осознанию фактов, будь то события, в которых он участвует, или его чувства по поводу этих событий, или и то, и другое. Он способен оставаться «спящим» или не осознавать определенных элементов, которые не могут

20 В данном случае слово «неодушевленный» может нести смысл «несамостоятельный» т. е. Зависящий от помещенных в него проекций психотика. — прим.перев.

проникнуть через барьер, представленный его «соном». Благодаря «сну» он может продолжать непрерывно бодрствовать, то есть бодрствовать по отношению к тому факту, что он разговаривает со своим другом, но спать по отношению к элементам, которые, если бы они могли проникнуть через барьер его «снов», привели бы к господству над его разумом того, что обычно является бессознательными идеями и эмоциями.

Сон создает барьер против психических явлений, которые могут подавить осознание пациентом того, что он разговаривает с другом, и в то же время делает невозможным, чтобы осознание того, что он разговаривает с другом, подавило его фантазии. Попытка психотика отличить одно от другого приводит к рациональному мышлению, характеризующемуся своеобразным отсутствием «резонанса». То, что он говорит ясно и в членораздельной речи — одномерно. В нем нет ни подтекста, ни скрытого смысла. Оно склоняет слушателя сказать «ну и что?» Оно не способно вызвать ход мыслей.

3. «Сон» имеет много функций цензуры и сопротивления. Эти функции не являются продуктом бессознательного, но инструментами, с помощью которых «сон» создает и отличает сознательное от бессознательного.

Подводя итог: «сон» вместе с альфа-функцией, которая делает сновидение возможным, занимает центральное место в работе сознания и бессознательного, от которых зависит упорядоченное мышление. Теория «сна», использующая альфа-функцию содержит элементы точки зрения, представленной классической психоаналитической теорией сновидений, то есть в ней представлены цензура и сопротивление. Однако в теории альфа-функций цензура и сопротивление необходимы для разграничения сознательного и бессознательного и помогают поддерживать различие между ними. Это различие вытекает из работы «сна», которое представляет собой сочетание мыслей сновидения в повествовательной форме, которые, в свою очередь, являются производными от комбинаций альфа-элементов. Согласно этой теории, способность «пребывать во сне» [или «мечтать»] предохраняет личность от того, что фактически является психотическим состоянием. Поэтому она помогает объяснить упорство, с которым сновидение, представленное в классической теории, защищает себя от попытки сделать бессознательное сознательным. Такая попытка должна казаться неотличимой от разрушения способности видеть сны, поскольку эта способность связана с различением сознательного и бессознательного²¹ и сохранением различия, установленного таким образом.

8

1. Теперь я перенесу все, что я сказал об установлении сознательного и бессознательного и барьера между ними, на предполагаемую сущность, которую я называю «контактным барьером». Фрейд использовал этот термин для описания нейрофизиологической сущности, впоследствии известной как синапс. В соответствии с этим мое утверждение о том, что

21 «Различение сознательного от бессознательного». Такое использование терминов характерно для трудностей, связанных с использованием двусмысленных терминов, когда более точные термины недоступны. Я не имею в виду «сознательное» или «бессознательное», потому что это означало бы, что наблюдателю пришлось бы различать два объекта. И все же я не хочу исключать этот оттенок смысла, потому что, когда элементы были дифференцированы и некоторые из них стали осознанными, а некоторые - бессознательными, если такая концепция цenna, разумно сказать, что бессознательное существует.

человеку приходится «видеть во сне» [или «мечтать»] текущий эмоциональный опыт, независимо от того, происходит ли он во сне или наяву, переформулируется следующим образом: Альфа-функция человека, будь то во сне или наяву, преобразует чувственные впечатления, связанные с эмоциональным переживанием, в альфа-элементы, которые, умножаясь, объединяются и образуют контактный барьер. Таким образом этот контактный барьер, непрерывно находящийся в процессе формирования, отмечает точку контакта и разделения между сознательными и бессознательными элементами и порождает различие между ними. Природа контактного барьера будет зависеть от природы поступления альфа-элементов и от способа их взаимоотношений друг с другом. Они могут быть взаимосвязаны. Они могут быть собраны воедино. Они могут быть расположены последовательно, чтобы создать видимость повествования (по крайней мере, в форме, в которой контактный барьер может проявляться во сне). Они могут быть упорядочены логически. Они могут быть упорядочены геометрически.

2. Термин «контактный барьер» подчеркивает установление контакта между сознательным и бессознательным и избирательный переход элементов из одного в другое. От природы контактного барьера будет зависеть изменение элементов [при переходе] из сознательных в бессознательные и наоборот. Поскольку сны дают нам прямой доступ к его [контактного барьера] изучению, они сохраняют центральное положение в психоанализе, которое им отвел Фрейд. Природа перехода от сознательного к бессознательному и наоборот, а следовательно, природа контактного барьера и составляющих его альфа-элементов влияют на память и характеристики любого конкретного воспоминания.

3. На практике теория функций и теория альфа-функции делают возможными интерпретации, показывающие, как именно пациент воспринимает, что у него есть чувства, но он не может на них учиться, и ощущения, некоторые из которых чрезвычайно слабы, но и на них учиться он также не может. Можно показать, что решимость не испытывать ничего существует с неспособностью отвергать или игнорировать любой стимул. Чувственные впечатления могут иметь некоторый смысл, но пациент чувствует себя неспособным узнать, в чем этот смысл заключается.

4. Интерпретации, вытекающие из этих теорий, по-видимому, вызывают изменения в способности пациента мыслить и, следовательно, понимать. Такая реакция сама по себе достаточно своеобразна с точки зрения изучаемого явления и требует объяснения. Во-первых, характер трудностей, если они действительно точно описаны, по-видимому, исключает возможность того, что пациент мог бы понять описание. Такая трудность может быть преодолена путем уточнения различных степеней нарушенности. С точки зрения техники было бы приемлемо, если бы реакция на интерпретации, основанные на использовании теории функций, альфа-функции и контактного барьера, содержала некоторый элемент подтверждения того, что [практическая] реализация приближена к этим теоретическим концепциям. С научной точки зрения, подтверждение теории тогда было бы подкреплено корреляцией между доказательствами того, что способность мыслить была увеличена в результате анализа, и доказательствами существования практического воплощения, которое соответствовало бы абстрактной теоретической конструкции. Фактически существует эффект «эха» при интерпретации, который подтверждает идею о

том, что теоретическая концепция контактного барьера имеет соответствующее воплощение. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки рассматриваемой темы, и я оставлю его для другого случая.

В главах 3 – 8 я использовал концепцию альфа-функции, чтобы заполнить пробелы в моих знаниях о состоянии ума, которое встречается в аналитической практике и которое я хочу описать. Таким образом, я смог продолжить общение, не дожидаясь обнаружения недостающих фактов и не делая заявлений, которые, как могло бы показаться, наводят на мысль о том, что эти факты уже были известны.

Теперь я должен показать, как теория функций используется в качестве инструмента в аналитической работе. Я привожу примеры фона эмоциональных переживаний, из которых была выведена теория, и перехожу к примерам осознаний, неизвестных на момент выведения теории, которые впоследствии оказались к теории приближенными. К сожалению, материал не поддается такому логическому изложению, которое не привело бы к вводящему в заблуждениеискажению фактов. В следующей главе акцент делается на эмоциональном опыте, от которого выводится теория. Описание содержит элементы, которые были использованы для обобщения, но они смешаны со столь многими другими, что невозможно приписать им качества, которые обычно считаются существенными для научного произведения.

9

1. У некоторого числа пациентов, с которыми мне приходилось иметь дело, были явно выражены симптомы нарушения способности мыслить. В ходе их лечения возникали и использовались возможности для ортодоксальной интерпретации переноса, но пациент часто ничему из них не учился. Поток бессвязных ассоциаций продолжался. Интерпретации, основанные на теориях анального эротизма в его различных формах, теории потребности пациента импровизировать личность из элементов, которые он [пациент] считал бесполезными и которые он мог позволить себе потерять, теории расщепления, проективной идентификации, защиты от нападения и т. д., имели лишь незначительный эффект. Обнаруживались признаки замешательства, которые я научился связывать с проективной идентификацией. Поэтому я предположил, что я был хранилищем части его личности, такой как его здравомыслие или непсихотическая часть его личности. Вскоре я решил, что дальнейшие интерпретации, основанные на этих теориях, вряд ли достигнут какой-либо полезной цели. Я проверил предположение, что во мне содержится непсихотическая часть его личности, а затем начал понимать, что я должен был осознавать происходящее, в то время как он — нет. Я был (содержал) его «сознание». Иногда я мог представить то, что разворачивалось в анализе, как ситуацию, в которой пациент был плодом, которому передавались эмоции матери, но которому не был известен стимул для эмоций и их источник (см. «Создание модели», Глава 22). В других случаях он, казалось, имел примитивное представление о том, что происходит, но не имел представления о том, что он чувствует. Я не буду здесь описывать вариации на эту тему, поскольку они существенно не отличались от того, что описывали Кляин, Розенфельд и другие. Проблема, ожидавшая решения и которую я сейчас обсуждаю, заключалась в том, чтобы определить, что это за часть. Теория функций

предлагала перспективу решить эту проблему, предположив, что я содержал неизвестные функции его личности, и исходя из этого тщательно изучить сессионный опыт в поисках подсказок о том, какими они [эти функции] могут быть. Я предполагал, что был «сознанием». Теория Фройда о том, что сознание является органом восприятия психических качеств, позволяла предположить, что между сознанием и психическим качеством происходит разделение. Это предположение оказалось плодотворным, но только для одного или двух сеансов, а затем я оказался в той же или почти в такой ситуации, что и раньше. Я все еще думал об этой проблеме как о решаемой с точки зрения теории переноса и проективной идентификации, то есть я мог предположить, что пациенты чувствовали себя под пристальным вниманием со стороны меня и тех частей их личности, которые я должен был содержать. В свете теорий переноса и проективной идентификации изложенный материал можно было рассматривать как связь между пациентом и аналитиком, и я мог интерпретировать так, как описано в «Атаках на связывание». Интерпретации имели некоторый успех, но я не чувствовал, что изменения обязательно связаны с прояснением, полученным в результате интерпретаций. Затем мне пришло в голову, что он делал то, что я ранее описал как «*сновидение*» непосредственных событий в анализе – то есть перевод чувственных впечатлений в альфа-элементы. Эта идея иногда казалась проясняющей, но получила развитие только тогда, когда я связал ее с *дефектной* альфа-функцией, то есть, когда мне пришло в голову, что я наблюдаю неспособность видеть сны из-за отсутствия альфа-элементов и, следовательно, неспособность спать или бодрствовать, быть сознательным или бессознательным.

2. Это могло бы объяснить, почему я был «сознательным», неспособным к функциям сознания, а он «бессознательным», неспособным к функциям бессознательности. (Для простоты я предполагаю, что это разделение функций оставалось неизменным, но на самом деле это было не так; роли были взаимозаменяемыми.)

3. Такая ситуация не соответствует предложенной мною теоретической схеме, а именно теории контактного барьера, обязанного своим существованием умножению количества альфа-элементов посредством альфа-функции и служащего мембранный, которая которая по характеру своего состава и проницаемости разделяет психические явления на две группы, одна из которых выполняет функции сознания, а другая — функции бессознательного.

4. В новой ситуации существует своего рода разделение, как бы зависшее между аналитиком и пациентом, но не оказывающее никакого сопротивления переходу элементов из одной зоны в другую. Оно не подходит для формирования сознательного и бессознательного и, следовательно, способствует дефектному или аномальному развитию способности к памяти и вытеснению. Различие в двух состояниях вытекает из различий между контактным барьером, состоящим из альфа-элементов, и барьером, состоящим, если это правильное слово, из бета-элементов. Последние, как следует помнить, по-видимому, лишены способности к связи друг с другом. Клинически этот экран бета-элементов представляется случайному наблюдению как неотличимый от спутанного состояния и, в частности, от любого из того класса спутанных состояний, которые напоминают сны, а именно:

- (1) Излияние разрозненных фраз и образов, которые, если бы пациент спал, мы бы, несомненно, сочли доказательством того, что он видит сон.

- (2) Подобное излияние, но выраженное таким образом, что предполагает, что пациент притворяется, что видит сон.
- (3) Спутанное излияние, которое, по-видимому, является доказательством галлюцинации.
- (4) Подобно (3), но наводит на мысль о галлюцинации сна. У меня не было случая предположить, что пациенту приснился сон, что он галлюцинирует.

Все четыре состояния связаны со страхом, чтобы депрессивная позиция не спровоцировала убийственное Сверх-Я, и, следовательно, с потребностью иметь эмоциональный опыт, в котором это может произойти в присутствии аналитика. Клинически экран бета-элементов, о котором я говорю, имеет сильное поверхностное сходство с любым из этих четырех классов и предположительно может быть идентичен им.

5. Сравнение экрана бета-элементов со спутанными состояниями, напоминающими сон, показывает, что экран бета-элементов является непротиворечивым и целенаправленным. Здесь могла бы быть уместной интерпретация, что пациент изливал поток материала, для того, чтобы разрушить психоаналитическую потенцию аналитика. Столь же подходящей была бы интерпретация, согласно которой пациент стремился скрыть информацию, а не передать ее. Одной из особенностей ситуации является изобилие интерпретаций/объяснений, которые пришли бы в голову любому человеку, у кого есть хоть капля здравого смысла. Однако пациенту они в голову не приходят. Эти интерпретации, основанные на здравом смысле, имеют общую характеристику, заключающуюся в том, что все они носят обвинительный или, наоборот, хвалебный характер, [они] как будто надуманы с намерением убедить пациента в его доброте вопреки всем доказательствам. Это не случайность; было бы трудно утверждать обратное, учитывая имеющиеся доказательства. Приходится прийти к выводу, который является неожиданным и удивительным, а именно, что экран бета-элементов — в дальнейшем для краткости я буду называть его бета-экраном — обладает качеством, позволяющим ему вызывать тот тип реакции [аналитика], который желает пациент, или, альтернативно, реакцию аналитика, которая в значительной степени заряжена контрапереносом. Обе возможности требуют исследования на предмет их последствий.

10

1. Благодаря бета-экрану психотический пациент имеет возможность вызывать эмоции у аналитика; его ассоциации являются элементами бета-экрана, предназначенными для того, чтобы вызывать интерпретации или другие реакции, которые связаны не столько с его потребностью в психоаналитической интерпретации, сколько с его потребностью в эмоциональной вовлеченности. {Это наводит на мысль о способности к интуиции, которая кажется несовместимой с обычными представлениями о безумии. Поскольку это целенаправленное поведение, цель должна контролироваться и диктоваться непсихотической частью личности. Вызов²², свойственный бета-экрану, если он успешен, означает, что пациенту не хватает подлинного терапевтического материала, а именно истины, и поэтому те

22 То есть проявление способности вызывать реакции аналитика — прим. перев.

его импульсы, которые направлены на выживание, перегружены попытками добить излечение из терапевтически слабого материала.}²³

Теория контрпереносов предлагает лишь частично удовлетворительное объяснение, поскольку она рассматривает проявление [контрпереноса] как симптом бессознательных мотивов аналитика и, следовательно, оставляет вклад пациента необъясненным.

Во-первых, пациент, для которого предназначены эти [мои] теории, не использует членораздельную речь; он с очевидной искренностью демонстрирует неспособность понять свое собственное состояние ума, даже когда ему на это указывают. Его использование слов гораздо ближе к действию, призванному «разгрузить психику от наслоений стимулов», чем к речи. Во-вторых, он не стремится манипулировать аналитиком таким же образом, как невротик. Существует определенная согласованность [непротиворечивость] в характеристиках бета-элементов. Язык, который я должен использовать для описания динамической ситуации, вносит искажение, потому что это язык научного метода, разработанного для изучения неодушевленного. Это искажение влияет на мое утверждение о том, что определенные характеристики бета-экрана согласованы [постоянны, непротиворечивы]. Было бы более верно сказать, что динамическая ситуация развивается и что ее эволюция обнаруживается появлением определенной характеристики, которая пронизывает все большее число элементов и придает им согласованность. Смена контактного барьера бета-экраном — это живой процесс. Наблюдения аналитика по причинам, связанным с природой изменения от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции и наоборот, вносят в аналитическую ситуацию элемент, который заставляет казаться ее развитие переходом от ряда дискретных частиц или элементов к синтезу этих же элементов. Одно сменяет другое способом, аналогичным замене одного суждения другим, когда мы рассматриваем фигуру, иллюстрирующую обратимую перспективу.

2. Анализант вносит изменения, связанные с заменой альфа-функции тем, что можно описать как изменение направления функции на противоположное. {Изменение направления совместимо с обработкой мыслей путем эвакуации. То есть, если у личности отсутствует аппарат, который позволил бы ей «думать» мысли, но она способна попытаться избавить психику от мыслей во многом таким же образом, как она избавляется от наслоений стимулов, то подходом может быть изменение [направления] альфа-функции на противоположное.} Вместо того, чтобы чувственные впечатления превращались в альфа-элементы для использования в мыслях во сне и бессознательном мышлении наяву, развитие контактного барьера заменяется его разрушением. Это осуществляется путем обращения альфа-функции, так что контактный барьер и мысли во сне и бессознательное мышление наяву, которые являются текстурой контактного барьера, превращаются в альфа-элементы, лишенные всех характеристик, которые отделяют их от бета-элементов, и затем проецируются, таким образом формируя бета-экран. {Лишние альфа-элементы характеристик, которые отличают их от бета-элементов, важно. Модель представляется теорией слова как названия научной дедуктивной системы, например, «Папа». Научная дедуктивная система состоит из ряда гипотез. Система представляет собой утверждение о том, что определенные элементы

23 Предложения в фигурных скобках в оригинале были в сноске. Все дальнейшие примеры предложений, которые были аналогичным образом включены в текст из исходных сносок, также обозначены скобками. – прим. ред. английского издания

постоянно соединены. Соединение и соединенные элементы зависят от преконцепции (априорного знания индивидуума) и осознаний, которые, как обнаружил индивидуум, последовательно приближаются к преконцепции и преобразуют ее в концепцию. Концепция, в свою очередь, становится абстракцией или моделью, к которой, как полагают или обнаруживают, приближаются еще больше осознаний. Именно эти ассоциации, которые, как утверждает научная дедуктивная система, в настоящее время постоянно соединены (и, согласно этому утверждению, постоянно соединяются в сознании индивида), отделяются от слова, являющегося названием научной дедуктивной системы, так что в конечном итоге остается только название «Папа». Я не рассматриваю ни социальную ценность названия «Папа», ни социальную версию научной дедуктивной системы, называемую этим именем. Аспект, который я обсуждаю, существует до оглашения/высказывания и, следовательно, является частным для индивида. Это тот аспект явления, который, по терминологии Канта, можно было бы назвать вторичным качеством, если бы не было доказательств посредством оглашения универсальности, которую Кант приписывает первичным качествам.}

3. Инверсия альфа-функции означает рассеивание контактного барьера и вполне совместима с приобретением объектами характеристик, которые я когда-то приписывал странным объектам. Соответствие было бы намного выше, если бы, несмотря на мое предупреждение о том, что контактный барьер (функция) и Я (структура) не следует рассматривать как взаимозаменяемые термины, обозначающие одно и то же, мы могли бы считать, что инверсия альфа-функции на самом деле повлияла на Я и, следовательно, не произвела простого возврата к бета-элементам, но к объектам, которые отличаются в важных отношениях от исходных бета-элементов, которые не имели оттенка личности, присущей им. Бета-элемент отличается от странного объекта тем, что странный объект включает бета-элемент плюс следы Я и Сверх-Я. Инверсия альфа-функции наносит разрушение структуре, связанной с альфа-функцией.

4. Сделаю обзор терминов, которые я использовал до сих пор:

- (1) Я – это структура, которая, как описывает ее Фрейд, является особым развитием из ОНО, имеющим функцию установления контакта между психической и внешней реальностью.
- (2) Альфа-функция – это название, данное абстракции, используемой аналитиком для описания функции, природу которой он не знает, до тех пор, пока он не почувствует себя в состоянии заменить ее факторами, для которых, как он чувствует, он получил доказательства в ходе исследования, в котором он использует альфа-функцию. Она соответствует той функции ряда факторов, включая функцию Я, которая преобразует чувственные данные в альфа-элементы. Альфа-элементы включают в себя визуальные образы, слуховые паттерны, обонятельные паттерны и подходят для использования в мыслях сновидений, бессознательном мышлении бодрствования, снах, контактном барьере, памяти. Клинически странный объект, который наполнен характеристиками Сверх-Я, ближе всего подходит к предоставлению осознания, соответствующего концепции бета-элементов. Однако понятие бета-элемента включает в себя только чувственные впечатления, причем чувственное впечатление как если бы они являлись частью личности, переживающей чувственное впечатление, и

чувственное впечатление как если бы оно являлось вещью в себе, которой соответствует чувственное впечатление.

Следует отметить, что альфа-функция может рассматриваться как структура, часть психического аппарата, производящая контактный барьер. В свою очередь контактный барьер может рассматриваться, как предполагает данное мною название, как имеющий характеристики структуры. Это повторение проблемы, связанной с различием друг от друга Я, сознания и альфа-функции, и стоит рассмотреть последствия этой особенности психоаналитического исследования, а именно использования понятий, относящихся к объектам, которые нам нужно иногда рассматривать, как если бы они были связаны с машинами, то есть были неодушевленными, а иногда как если бы они были функциями, которые, поскольку мы имеем дело с людьми, а не с машинами, наверняка наделены характеристиками жизни. В случае альфа-функции, используемой как неизвестное для соответствия осознанию, которое меняется от неизвестного к известному, название, данное этим объектам, должно прояснить, следует ли нам наблюдать объект в его сущности как функцию, или как структуру, или как абстракцию.

Можно ожидать, что контактный барьер клинически проявит себя — если он вообще проявится — как нечто, напоминающее сны. Как мы уже видели, контактный барьер допускает отношение [к нему] и сохранение веры в него как в событие в действительности, подчиненное законам природы, без того, чтобы этот взгляд был затоплен эмоциями и бессознательными фантазиями, возникающими внутрипсихически. В свою очередь, он предохраняет эмоции с внутрипсихическим происхождением от подавления реалистическим представлением. Таким образом, контактный барьер отвечает за сохранение различия между сознательным и бессознательным и за возникновение последнего. Таким образом, бессознательное сохраняется. При помощи альфа-функции оно пополняется альфа-элементами, которые необходимо хранить, но которые не должны проникать в сознание в случаях, когда их воздействие на восприятие ситуации внешней реальности человеком будет ощущаться как неуместность или нарушение упорядоченного мышления.

11

1. Теория функций, и в частности теория альфа-функции, делает возможным дальнейший вклад в понимание мыслительных процессов. Я рассмотрю природу и функцию мышления в любой ситуации, которая, как кажется, отражает ранний период жизни человека или его нынешние примитивные глубины, где можно было бы обнаружить качества, которые мы связываем с мышлением. В своей статье «Формулировки о двух принципах психического функционирования» («Положение о двух принципах психического функционирования») Фройд говорит²⁴: «Ставшая необходимой задержка моторного отвода (действия) была обеспечена процессом мышления, постепенно возникшим из представления. Мышление было наделено качествами, которые позволяли душевному аппарату переносить повышенное возбуждение при отсрочке отвода. По существу, это — пробное действие со смещением небольших количеств катексиса²⁵ при незначительном их расходовании (отводе)». Он продолжает: «Первоначально мышление, по всей видимости, было бессознательным,

²⁴ Текст цитаты Фройда здесь приведен из перевода Боковикова — прим. перев.

поскольку оно поднялось над простым представлением и обратилось к отношениям между впечатлениями от объектов, и получило другие качества, воспринимаемые сознанием, только в результате соединения с остатками слов». В утверждении Фрейда подразумевается роль, которую играет непереносимость фрустрации в создании напряжения, а затем его облегчение посредством использования мысли для заполнения интервала между необходимостью разгрузить психику от наслоений стимулов и фактической разгрузкой. Связь между непереносимостью фрустрации и развитием мысли является центральной для понимания мысли и ее нарушений. Утверждение Фрейда предполагает, что принцип реальности вытекает из принципа удовольствия; он нуждается в модификации, чтобы оба принципа могли сосуществовать. Хотя я не буду сразу же обсуждать это, я замечу, что непереносимость фрустрации может быть чрезмерной, количественное изменение, которое становится почти единственным в своем роде. Давайте теперь представим, что непереносимость фрустрации, связанная с голодом: предположим далее, что удовлетворение голода становится невозможным из-за других факторов личности, таких как страх, жадность или зависть, которые не позволяют груди или ее эквиваленту добиться успеха в удовлетворении завистливого человека. В такой ситуации жадность усиливается, а вместе с ней и непереносимость фрустрации. Эффект будет примерно таким же, как если бы личность была наделена чрезмерной непереносимостью фрустрации. Имеет ли значение, является ли непереносимость фрустрации или любая другая динамическая характеристика первичной или вторичной? Это различие указывает на то, что любое лечение, направленное на изменение личности, ограничивается вторичными факторами, поскольку первичные факторы не будут изменены.

Исходя из клинических данных о том, что младенец нуждается в материальной и психологической поддержке, вполне вероятно следует, что он не может провести никакого различия между материальным и психологическим. Однако при анализе можно сделать вывод о том, был ли этот дефицит/нехватка связан с физическими или психическими качествами. Независимо от того, насколько ранним может быть такой дефицит и чем он может быть вызван, он будет ощущаться как реальный и потребует реального решения, то есть такого, которое, по-видимому, устранит болезнь. Для психоаналитика важен выбор между процедурами, направленными на то, чтобы избежать фрустрации, и процедурами, направленными на ее изменение. Это важнейшее решение.

Существуют и другие способы, которыми принятый процесс может быть классифицирован, например, те [элементы], которые в конечном итоге предназначены для того, чтобы проявить себя как принадлежащие к классу мышечных действий (физическое движение в целом), и те, которые предназначены для того, чтобы развиться так, чтобы в конечном итоге быть классифицированными как относящиеся к областям мышления. Тот факт, что решение связано с такой окончательной классификацией, является существенным, но в настоящее время я хочу сосредоточить внимание на явлениях, генетически связанных с

25 Термин “cathexis” для перевода немецкого слова “besetzung” был предложен Стрейчи при переводе Фрейда на английский язык. Из английского он перекочевал в русский и был использован Боковиковым. Следует отметить, что сам по себе термин «катексис» может быть труден для понимания и В. Мазиным был предложен перевод *besetzung* на русский язык как «нагрузка» или «нагруженность». Немецкое слово *besetzung* в контексте военного дела имеет смысл «занятие, захват, оккупация». — прим. перев.

сосуществованием в личности чувств фruстрации, непереносимости чувств фruстрации, связанных с этим эмоций и решения, которое возникает из такого сочетания элементов.

12

1. Деятельность, которую мы знаем как «мышление», изначально была процедурой освобождения психики от наслоений стимулов: механизм тот, который Мелани Кляйн описала как проективную идентификацию. Общая схема этой теории заключается в том, что существует всемогущая бессознательная фантазия²⁶ о том, что можно отщепить временно нежелательные, хотя иногда и ценные, части личности и поместить их в объект. На практике возможно и желательно в интересах полезной терапии наблюдать и интерпретировать доказательства, которые подтверждают эту теорию и которые эта теория объясняет, как никакая другая.

2. Также возможно, и фактически необходимо, наблюдать доказательства, которые показывают, что пациент, в котором действие этой всемогущей бессознательной фантазии может быть [логически] выведено, способен на поведение, которое связано с реальным аналогом этой фантазии. Пациент, даже в начале жизни, имеет достаточный контакт с реальностью, чтобы позволить себе действовать так, чтобы порождать у матери чувства, которых не хочет он, или которые он хочет, чтобы мать испытывала. Чтобы привести теорию в соответствие с этими клиническими данными, я предложил исправленную версию теории принципа удовольствия Фройда, в которой принцип реальности следует рассматривать как действующий параллельно с принципом удовольствия. Пример попытки воплотить всемогущую бессознательную фантазию в реальность можно увидеть у пациента, который стремится заставить других почувствовать, что он способен убить сексуальных родителей, чтобы смочь почувствовать себя способным на любовные сексуальные отношения, свободные от страха, что он убьет, как он должен был бы сделать, своего партнера и себя, если увидит себя и партнера, демонстрирующими доказательства взаимной сексуальной страсти. Я предположил, что в крайней форме это может привести даже к убийству как способу приведения в действие в реальном мире всемогущей бессознательной фантазии проективной идентификации, которая без такого действия осталась бы лишь всемогущей бессознательной фантазией.

3. Существуют случаи, гораздо менее драматичные и, следовательно, требующие от аналитика некоторой проницательности для своего распознания. Важно, чтобы аналитик наблюдал их. Иными словами, он должен наблюдать и интерпретировать действие бессознательной фантазии как психический феномен, выводимый из имеющихся данных, а также наблюдать признаки того, что пациент достаточно приспособлен к реальности, чтобы иметь возможность манипулировать своим окружением таким образом, чтобы фантазия проективной идентификации казалась реальной.

26 Здесь Бион использует слово “phantasy”, предложенное М. Кляйн для обозначения бессознательной фантазии. В дальнейшем слово «бессознательная» будет опускаться для облегчения чтения текста, однако читателю следует помнить, что в контекстах проективной идентификации и всемогущей фантазии Бион всегда имеет в виду бессознательную фантазию. — прим. перев.

4. Чем больше выражен этот реалистичный компонент и чем более он может быть сделан очевидным для пациента, тем больше возможностей судить о том, в какой степени тяжелобольной и действительно подлежащий медицинскому освидетельствованию пациент имеет контакт с реальностью, пусть реальностью, не всегда знакомой более развитым людям.

5. Способность пациента приспосабливать свою всемогущую фантазию проективной идентификации к реальности напрямую связана с его способностью переносить фрустрацию. Если он не может переносить фрустрацию, всемогущая фантазия проективной идентификации имеет пропорционально меньше фактического аналога во внешней реальности. Это способствует состоянию, которое Мелани Кляйн описывает как чрезмерную²⁷ проективную идентификацию. Однако степень чрезмерности должна быть тщательно исследована. Проективная идентификация может показаться чрезмерной, потому что аналитик вынужден осознавать ее из-за реалистичных шагов, которые предпринимает пациент, чтобы заставить аналитика на самом деле испытывать эмоции, которые пациент не хотел бы испытывать сам (Кляйн). Такую чрезмерность следует четко отличать от чрезмерной проективной идентификации, которая представляет собой обращение к всемогущей фантазии как к бегству от реальности, и в частности от чувств, которые нежелательны. Но проективная идентификация не может существовать без своей ответной части, а именно интровертивной деятельности, направленной на накопление хороших внутренних объектов.

6. Давайте теперь предположим, что в действительности грудь снабжает младенца молоком и ощущениями безопасности, тепла, благополучия, любви. Давайте далее предположим, что младенец нуждается — я намеренно избегаю говорить «желает» — обладать самим молоком и связанными с ним ощущениями. Мы можем провести различие между молоком и любовью с помощью соответствующей классификации или можем подчеркнуть, если это нам подходит, те аспекты, в которых они кажутся схожими. Таким образом, мы можем сказать, что молоко является материальной субстанцией и связано с питанием и, предположительно, обрабатывается пищеварительным трактом. С другой стороны, мы можем считать любовь нематериальной, хотя и сопоставимой с молоком для психического благополучия²⁸ ребенка. Мы можем отнести ее к одной или нескольким категориям, которые философия, религия и другие дисциплины предоставляют в наше распоряжение. Единственная причина ограничения нашего классификационного аппарата

27 Здесь и далее курсив автора, если не указано иное. — прим. перев.

28 Было бы невозможно продолжать, если бы я привлек внимание читателя ко многим случаям, когда я сам использую фразы, в которых модель подразумевается, а не применяется явно. Тем не менее, это может помочь в прояснении проблемы, которой я занимаюсь, если я буду время от времени давать такое толкование, как я это делаю здесь. Сам термин “благополучие” предполагает, что умственное развитие, как и физическое, зависит от эффективной работы системы психического питания. Аналогичным образом развитие может предполагать экстернализацию, противоположную закрытости это наводит на мысль об интернализации. На кого-то из читателей термин благополучие может неосознанно подействовать из-за эффекта конкретизации, присущего подразумеваемой модели хотя эта теория была не из тех, которым он симпатизировал. С другой стороны, на него могла вообще не подействовать модель, подразумеваемая под “развитием”. Читатели книги Фаулера “Королевский английский” (1908), вероятно, знакомы с этой проблемой в том виде, в каком она встает перед теми, кто стремится писать на хорошем английском (см. его комментарии к метафоре в главе III). Никто не обвинит Фаулера в легкомысленном отношении к написанию на хорошем английском языке, и все же он обсуждает эту проблему под заголовком “Airs and Graces”. Для практикующего психоаналитика это лежит очень близко к корню (или источнику, или матрице) проблем со способностью мыслить и передавать мысль, которые, в свою очередь, связаны с возможностью достижения каких-либо реальных знаний.

одной дисциплиной — это желание достичь простоты. Используем ли мы концепции философские, религиозные, эндокринологические или концепции, используемые нейрофизиологами, они будут открыты для одного и того же возражения, а именно, что они описывают состояния ума, с которыми мы знакомы, и от них требуются описания явлений, или реальностей, которые мы предполагаем как аналог этих явлений, с которыми мы не знакомы, но считаем, что правильно наблюдали и правильно приписали младенцу. Двое взрослых могут подразумевать совершенно разные вещи под одним и тем же словом «любовь», однако это слово, которое я должен использовать для описания части того, что, по моему мнению, является опытом младенца (я включаю отсутствие любви). Таким образом, становится ясно, что сразу же возникают два основных источника ошибок: семантический разрыв, который необходимо преодолеть, и научная обоснованность приписывания младенческому опыту измененного, но узнаваемо похожего опыта.

7. Молоко, как мы можем предположить с некоторой степенью убежденности, которую мы не можем испытывать по отношению к любви, принимает и перерабатывает пищеварительный тракт; что же принимает и обрабатывает любовь? Вопрос может быть формулировкой, основанной на неадекватном мышлении, и, следовательно, может привести к ошибке, если мы не рассмотрим ситуацию с матерью. Как младенец получает молоко и усваивает его с помощью пищеварительной системы, так и мать вырабатывает его с помощью желез, однако известно, что молоко может не вырабатываться, и это связывают с эмоциональными расстройствами. Предполагается, что младенец также может страдать от расстройств пищеварения, вызванных эмоциональным расстройством. Может быть полезным предположить, что в реальности существуют психосоматическая грудь и инфантильный психосоматический пищеварительный тракт, соответствующий груди²⁹. Эта грудь — объект, необходимый младенцу для снабжения его молоком и хорошиими внутренними объектами. Я не приписываю младенцу осознания этой потребности; но я приписываю младенцу осознание неудовлетворенной потребности. Мы можем сказать, что младенец чувствует фruстрацию, если предположим существование некоего аппарата, с помощью которого фрустрацию можно испытать. Концепция Фройда о сознании как об «органе чувств для восприятия психических качеств» предоставляет такой аппарат.

8. Как аналитик, лечащий взрослого пациента, я могу осознавать что-то, чего пациент не осознает. Аналогично мать может различить состояние ума у своего младенца до того, как младенец сможет осознать это, например, когда младенец проявляет признаки потребности в еде до того, как он осознает это должным образом. В этой воображаемой ситуации потребность в груди является чувством, и это чувство само по себе является плохой грудью; младенец не чувствует, что хочет хорошую грудь, но он чувствует, что хочет избавиться от плохой³⁰.

9. Предположим, что младенец накормлен; принятие молока, тепла, любви может ощущаться как принятие хорошей груди. При доминировании, поначалу не встречающей сопротивления, плохой груди, «принятие» пищи может ощущаться как неотличимое от опорожнения плохой груди. Как хорошая, так и плохая грудь воспринимается как

29 Термин «грудь» используется для обозначения концепции, используемой Мелани Кляйн.

30 Эта идея может быть совместима с утверждением Фройда в «Толковании сновидений» о первичном процессе.

обладающая той же степенью конкретности и реальности, что и молоко. Рано или поздно «желаемая» грудь ощущается как «идея отсутствующей груди», а не как присутствующая плохая грудь. Мы видим, что плохая, то есть желаемая, но отсутствующая, грудь с гораздо большей вероятностью будет признана идеей, чем хорошая грудь, которая ассоциируется с тем, что философ назвал бы вещью-в-себе или вещью-в-действительности, в том смысле, что ощущение хорошей груди зависит от наличия молока, которое младенец фактически [уже] выпил. Хорошая грудь и плохая грудь, одна из которых ассоциируется с реальным молоком, утоляющим голод, а другая — с отсутствием этого молока, должны иметь разницу в психическом качестве. «Мысли — это неприятность/неудобство», — сказал один из моих пациентов, — «я их не хочу». Является ли «мысль» тем же самым, что и отсутствие вещи? Если нет «вещи», то является ли «не-вещь»³¹ мыслью и в силу ли того, что «не-вещь» существует, человек признает, что «она» должна быть мыслью? Прежде чем продолжить рассмотрение того, как можно установить это различие в качестве, я рассмотрю другую ситуацию. Давайте предположим, что ребенок накормлен, но чувствует себя нелюбимым. И снова он осознает потребность в хорошей груди, и снова эта “потребность в хорошей груди” оказывается “плохой грудью”, от которой нужно избавиться. Ряд различных ситуаций такого рода создавали бы проблемы, требующие различных решений; в моем первом примере младенец мог бы предположить, что «потребность в груди» плохая грудь удаляется, если он совершает движение во время приема молока; в этом случае он связывал бы физическое действие с результатом, который мы бы назвали изменением в его состоянии ума от неудовлетворенности к удовлетворенности. Если предположение, что центральный вопрос основывается на различии психического качества верно, и если сознание законно рассматривать как орган чувств для психических качеств, то трудно понять, как сознание возникает. Очевидно, не стоит говорить, что младенец осознает психическое качество и преобразует этот эмоциональный опыт в альфа-элементы, поскольку я уже сказал, что существование сознания и бессознательного зависит от предшествующего производства альфа-элементов альфа-функцией. Нам следует предположить, что хорошая грудь и плохая грудь являются эмоциональными переживаниями. Физический компонент, молоко, дискомфорт от насыщения или наоборот, может быть очевиден для чувства немедленно, и поэтому мы можем дать бета-элементам хронологический приоритет над альфа-элементами. Непереносимость фruстрации может быть настолько выраженной, что альфа-функция будет подавлена путем немедленного удаления бета-элементов. Психическая составляющая, любовь, безопасность, тревога, в отличие от соматической, требует процесса, аналогичного пищеварению. Что это может быть, скрывается концепцией альфа-функции, но значение этого может быть найдено с помощью психоаналитических исследований. Например, когда мать любит младенца, с помощью чего она это делает? Оставляя в стороне физические каналы общения, у меня сложилось впечатление, что ее любовь выражается блужданием мысли / мечтательностью (reverie).

10. Хотя трудности проникновения в сознание взрослого человека при анализе велики, они не так сложны, как попытки проникнуть в сознание младенца с помощью умозрительной

31 Здесь Бион использует игру слов, которая может существовать в английском, но не в русском: “thing” = «вещь», “nothing” = «ничто», «ничего», “no thing” = «нет вещи». Оригинальный текст Биона: If there is no “thing”, is “no thing” a thought and is it by virtue of the fact that there is “no thing” that one recognizes that “it” must be thought? — прим. перев.

гипотезы; исследование reverie у взрослого человека может позволить нам приблизиться к решению этой проблемы. Из reverie, как психологического источника удовлетворения потребностей младенца в любви и понимании, мы можем вывести, какой тип психологического рецепторного органа требуется, чтобы младенец мог извлекать пользу из reverie, как благодаря способностям пищеварительного тракта он может извлекать пользу из груди и молока, которое она поставляет. Иными словами, предполагая, что альфа-функция делает доступным для младенца то, что в противном случае оставалось бы недоступным для любой цели, кроме эвакуации в виде бета-элементов, каковы *факторы* этой функции, которые напрямую связаны со способностью матери к блужданию мысли?

11. Способность матери к блужданию мысли (reverie) рассматривается здесь как неотделимая от содержания, поскольку очевидно, что одно зависит от другого. Если кормящая мать не может допустить reverie или если reverie допускается, но не связано с любовью к ребенку или его отцу, этот факт будет передан младенцу, хотя и непонятен ему. Психическое качество будет придано каналам коммуникации, связям с ребенком. То, что произойдет, будет зависеть от природы этих материнских психических качеств и их влияния на психические качества младенца, поскольку влияние одного на другого — это, с точки зрения развития пары и составляющих ее индивидов, эмоциональный опыт, подлежащий трансформации альфа-функцией. Термин reverie (мечтательность, блуждание мысли) может быть применен практически к любому содержанию. Я хочу зарезервировать его только для такого содержания, которое пронизано любовью или ненавистью. Используя его в этом узком смысле, reverie — это то состояние ума, которое открыто для приема любых «объектов» от любимого объекта и, следовательно, способно принимать проективные идентификации младенца, независимо от того, ощущаются ли они младенцем как хорошие или плохие. Короче говоря, reverie — это фактор альфа-функции матери.

12. Вернемся теперь к младенцу, содержащему³² «потребность в груди», которая, как я сказал, является чувством, которое приравнивается к «плохой груди»³³. Эту плохую грудь нужно заменить на хорошую грудь.

{Если меня спросят, что я подразумеваю под «плохой грудью», я могу только сказать, что я подразумеваю то, что имеет в виду ребенок. Если меня спросят, что это такое, я могу сказать, что в ходе эмпирического опыта анализа пациент проявляет определенные чувства, которые, как я считаю, он успешно мне передал. По причинам, связанным с практикой анализа, я должен, сказать, что это за чувства. Для этого, чтобы создать модель, я могу обратиться к определенному материалу, источник которого я опишу позже. Я сравниваю эту модель с тем, что происходит в кабинете, и делаю свою интерпретацию, что среди вещей, которые пациент

32 «Содержащий». Я принимаю подразумеваемую модель контейнера в этом и других отрывках, в которых необходимо использовать такие термины, как «внутренние» или «внешние» объекты. Эту модель я использую с неохотой, поскольку считаю ее более подходящей для незрелого, чем для зрелого научного мышления. Тем не менее, характер этой работы и отсутствие языка, адекватного для научного подхода к ней, вынуждают использовать модели, которые иногда известны и чаще предположительно неподходящие, но неизбежны, поскольку лучшей нет.

33 «Плохая грудь». Здесь проиллюстрирована одна из проблем методологии, с которой я пытаюсь разобраться, и примеров такого рода на этих страницах предостаточно: однако я не буду их отмечать, предоставляем читателю проявить снисходительность и исправить недостатки в изложении.

чувствует содержащимися в себе, есть «плохая грудь». Я могу представить точку зрения младенца и аналитика, как я ее вижу, следующим образом:

- А. Я думаю, что ребенок испытывает неприятные эмоциональные переживания.
- В. Я думаю, что ребенок считает, что в нем есть плохая грудь.
- А. Я думаю, что болезненные эмоциональные переживания связаны с объединением преконцепции и бета-элемента.
- В. В зависимости от личности ребенка я думаю, что он может:
 - (1) выбросить бета-элемент и заложить основу для неспособности мыслить
 - (2) принять бета-элемент в сопоставлении с преконцепцией, терпеть внутреннюю фрустрацию и таким образом находиться в процессе альфа-функционирования и производства альфа-элементов.

Я рассматриваю проблему пре-концепций в своей главе об определяющих гипотезах. В практике анализа пациентов с расстройствами мышления аналитик должен, если это возможно, установить для себя методологическую основу, но, и в этом суть вопроса, он также должен попытаться сформировать некоторое представление о том, что младенец думает о чувстве. Поскольку при расстройствах мышления очевидно, что некоторая проблема такого рода возникла в жизни младенца и не была решена. Однако от этой точки всего лишь небольшой шаг до абсурда приписывания младенцу идей, мыслей, понятий о том, что взрослый называет «чувством», что сделало бы честь Канту. Возможно, ответ в том, что только у Канта есть такие проблемы, которые он может решить. Те, кто не Кант, либо (a) не имеют этих проблем, либо (b) имеют эти проблемы и развивают расстройства мышления.}

Младенец, способный выносить фрустрацию, может позволить себе иметь чувство реальности, быть подвластным принципу реальности. Если его непереносимость фрустрации выходит за рамки определенной степени, вступают в действие всемогущие механизмы, в частности, проективная идентификация. Это все еще можно считать реалистичным, поскольку это предполагает осознание ценности способности к мышлению как средства смягчения фрустрации, когда доминирует принцип реальности. Но ее [проективной идентификации] эффективность зависит от наличия у матери способности к reverie. Если мать не справляется, то на способность младенца переносить фрустрацию ложится дополнительное бремя, поскольку теперь проверяется его способность переносить фрустрацию самой мысли. Я здесь предполагаю, что проективная идентификация является ранней формой того, что позже называется способностью к мышлению. Младенец, наделенный выраженной способностью переносить фрустрацию, может пережить испытание матери, неспособной к reverie и, следовательно, неспособной удовлетворять его умственные потребности. С другой стороны, младенец, явно неспособный переносить фрустрацию, не может пережить без разрушения даже опыт проективной идентификации с матерью, способной к reverie; ему помогло бы только непрерывное грудное вскармливание, но это невозможно из-за отсутствия аппетита, если не по какой-либо другой причине. Таким образом, мы приблизились к психической жизни, не обозначенной в теориях, разработанных для понимания невроза. Я не предлагаю сейчас продолжать это исследование, за исключением того, что касается альфа-функции.

13

1. Для эффективного использования необходимо иметь возможность считать альфа-функцию постоянной в силу её статуса неизвестной. Поскольку она гибкая, её гибкость происходит из использования в качестве факторов переменных, которые, как я объяснял ранее, могут быть заменены теориями и концепциями с фиксированным значением. Значения, придаваемые переменным (факторам), должны быть действительно постоянными, чтобы после фиксации их значений значение альфа-функции оставалось неизменным. На практике даже приближение к точности возможно только в том смысле, что фактор должен быть чётко описан или, в случае теории, корректно процитирован.³⁴

2. В качестве примера попытки точной формулировки я возьму альфа-функцию и два фактора: чрезмерную проективную идентификацию и избыток плохих объектов. Предположим, что в ходе анализа эти два фактора оказываются доминирующими, что исключает другие факторы, наблюдаемые аналитиком. Если бы психоаналитическая теория была рационально организована, то к обоим факторам можно было бы обращаться с помощью символов, являющихся частью системы отсчета, применяемой единообразно и универсально. Кляйнианская теория проективной идентификации обозначалась бы аббревиатурами и ссылками на страницу и абзац. Аналогичным образом, взгляд Фрейда на внимание был бы заменён ссылкой. На самом деле, хотя и неуклюже, это можно сделать, ссылаясь на страницу и строку стандартного издания даже сейчас. Такое утверждение могло бы привести к простой манипуляции символами, более или менее изобретательной, в соответствии с, казалось бы, произвольными правилами. При условии, что аналитик сохраняет понимание фактического фона, к которому относится такая формулировка, в упражнении в точности и строгости мышления, которые требуются при попытке сконцентрировать реальный клинический опыт, чтобы выразить его в таких абстрактных понятиях, есть свои преимущества. Кроме того, из своих формализаций аналитик может увидеть, какие теории он использует, а какими пренебрегает. На основании фактов пренебрежения он может сделать вывод либо о том, что его психоаналитический арсенал обеднел, либо о том, что определенные психоаналитические теории, по его опыту, не выдерживают проверки на клиническую полезность. В любом случае это было бы ценным открытием. Формула представляет собой краткое изложение сессий за определённый период. Должна быть возможность увидеть связи между одним изложением и другим и, следовательно, опираясь на теоретические дедуктивные системы, в которых эти факторы выступают в качестве гипотез или предпосылок, предсказать возможные аналитические ситуации. Альфа-функция может быть главной заботой аналитика в конкретном анализе, но это не означает, что так будет и дальше, или что, будучи таковой, она будет иметь то же значение в последующие недели. В следующей группе сессий может стать ясно, что убеждение в существовании плохого объекта проявляется как выражение завистливого пренебрежения хорошим объектом. В этом случае формулировка будет отражать изменение факторов. К следующей неделе альфа-функция может перестать иметь центральное значение;

34 Что это означает на практике, рассматривается при обсуждении антологии теорий. Некоторое представление о масштабе проблемы можно получить, изучив статью Дж. О. Уиздома 1961 года «Методологический подход к проблеме истерии» (предоставленную Голландскому обществу психоанализа в Амстердаме 16 декабря 1957 года).

ее место могут занять другие факторы и какая-то другая функция. Принцип применения теории функций остаётся тем же, независимо от функции и факторов, от которых она зависит.

3. В качестве метода прояснения чего-либо для самого себя аналитику нужна его собственная книга психоаналитических теорий, которой он лично часто пользуется, с указанием номеров страниц и абзацев, позволяющих с уверенностью идентифицировать их.

4. Способность помнить сказанное пациентом должна сочетаться со способностью забывать, чтобы тот факт, что любой сеанс – это новый сеанс и, следовательно, неизвестная ситуация, требующая психоаналитического исследования, не заслонялся и без того обильным запасом предубеждений и заблуждений. И все же аналитику необходимы все знания о пациенте, открытия и работы его предшественников в этой области, которыми он может располагать. Это подкрепляет потребность в теоретической базе психоанализа, прочной структуре, которая, однако, способна проявлять гибкость в практическом применении. Если жесткость теоретической структуры ослабляется отходом от теории, такие отступления становятся легче обнаружить. Например, если упоминание о переносе сопровождается конкретной цитатой, можно увидеть, что автор претендует на использование термина в уже установленных значениях. Если утверждается, что осознанная тревога по поводу аналитика является фактором переноса, очевидно, что автор имел в виду некое явление, отличное от описанного Фрейдом в отрывке, на который сделана ссылка. Гибкость достигается благодаря работе с функциями, являющимися переменными, значение которых становится постоянным только тогда, когда для переменных, функцией которых они являются, существуют замещающие факторы, являющиеся константами. В настоящее время в психоанализе наиболее близким к константе является использование ссылки на страницу и строку теории, используемой в качестве фактора.

5. Мне не нужно беспокоиться об ухудшении теоретического и аналитического арсенала аналитика; достаточно, чтобы метод формулировки помог сделать его очевидным и позволил аналитику предпринять необходимые шаги. Ограниченнное использование психоаналитической теории может свидетельствовать о том, что она не выдержала испытания аналитической практикой.

6. Таким образом, запись сеансов, лаконично отражающая ход анализа посредством представления применяемых теорий, служила бы не просто подспорьем для аналитика. Её ценность как свидетельства проделанной работы и, косвенно, метода работы аналитика, была бы велика, но центральная проблема заключается в необходимости системы обозначений, которая была бы полезна как для регистрации аналитических проблем, так и для работы над ними.

7. Система обозначений должна позволять аналитику создавать записи, которые он сам сможет понять по прошествии некоторого времени и которые могут быть переданы другим без серьезной потери значения. Как бы трудно ни было реализовать эту цель, одного ее достижения будет недостаточно. Для развития психоанализа необходимо найти нотацию, которая фиксировала бы психоаналитическую работу, как математическая нотация фиксирует факты, но как математическая нотация фиксирует факты и предоставляет средства для

вычислений, так и идеальная психоаналитическая нотация должна предоставлять средства для работы над проблемой, которую эта нотация позволила аналитику зафиксировать.

14

1. Альфа-функция играет центральную роль в преобразовании эмоционального опыта в альфа-элементы, поскольку чувство реальности имеет для человека такое же значение, как еда, питье, воздух и выделение отходов. Неспособность правильно есть, пить или дышать имеет катастрофические последствия для самой жизни. Неспособность использовать эмоциональный опыт приводит к сопоставимой катастрофе в развитии личности; к этим катастрофам я отношу и психотические нарушения, которые можно описать как смерть личности. Как всегда, использование модели, поскольку я использую здесь модель пищеварительной системы, сопряжено с опасностями, которые я обсуждаю в гл. 25³⁵ и далее. Чтобы смягчить эти опасности и сделать обсуждение научным, необходима нотация для представления эмоционального опыта. Если бы отдельный аналитик создал для себя антологию рабочей психоаналитической теории на основе нескольких хороших базовых теорий, хорошо понятых и способных, по отдельности и в сочетании, охватить множество ситуаций, с которыми он может столкнуться, это могло бы помочь в создании нотации. Ниже приводится набросок, обозначающий направления, по которым можно было бы добиться прогресса и которые я счел полезными.

2. Если критерием является базовая эмоция, то чувства, известные нам под названиями «любовь» и «ненависть», кажутся очевидным выбором. Зависть и благодарность, депрессия, вина, тревога – все они занимают доминирующее место в психоаналитической теории и, повидимому, как и секс, должны быть поставлены в один ряд с любовью и ненавистью. На самом деле я предпочитаю три фактора, которые, по моему мнению, являются неотъемлемой частью связи между объектами, находящимися в отношениях друг с другом. Эмоциональный опыт не может быть понят в отрыве от отношений. Основные отношения, которые я постулирую, следующие:

- (1) X любит Y;
- (2) X ненавидит Y;
- (3) X знает Y.

Эти связи будут обозначены знаками L, H и K.

Какое воплощение [в реальности] может существовать, которому соответствуют эти абстрактные связи L, H и K? Предположим, что аналитику знакома воображаемая ситуация такого типа; пациент Смит разговаривает свободно, сотрудничает и дружелюбен; в ходе своих ассоциаций он упоминает, что знает некоего психотерапевта, Джонса, который очень глуп и практически ничего не смыслит в психоанализе. Пациент хорошо его знает и, по его словам, имеет веские причины его не любить. Однажды он лечил его друга, мистера Мэя, с шокирующими результатами. Брак его друга, который всегда был гармоничным, пока тот не начал лечение... и т. д. Очевидно, это сложная коммуникация. Существует связь между

35 В оригинальном тексте здесь ссылка на номер страницы — прим.перев.

пациентом и аналитиком; существуют различные связи между пациентом и психотерапевтом, между пациентом и его другом, между пациентом и аналитиком его друга. Для связи между пациентом и аналитиком есть прямые доказательства. Что касается рассказа пациента о других связях, то доказательства в основном косвенные, хотя прямые свидетельства, полученные в ходе сеанса, при желании можно использовать для дополнения собственных заявлений пациента. Пациент говорит, что знает Джонса. Следует ли записать это как Смит **K** Джонс? Он говорит, что Джонс ему не нравится. Следует ли записать Смит **H** Джонс? Пациент говорит: «его друг», мистер Мэй. Тогда следует ли записать Смит **L** Мэй? Или же есть какой-то предыдущий материал в анализе, манера поведения или интонация, указывающие на связь: Смит **L** миссис Мэй? Но, возможно, есть какой-то материал, указывающий на гомосексуальные отношения между Смитом и мистером Мэем? Вопросам, вызванным воображаемым эпизодом, не должно быть конца, и количество ответов на каждый вопрос не должно быть ограничено. Но это не менее верно и в отношении реального сеанса. Однако от ответов на вопросы, которые аналитик начинает обдумывать, будет зависеть его интерпретация прямых свидетельств природы переноса. Может показаться, что, поскольку аналитическая ситуация сложна, нет смысла записывать её одним из трёх простых знаков. Если допустить, что знак призван выражать лишь одну часть эмоционального опыта, связь, то разве воображаемый эпизод не показывает, что-либо знаки **L**, **H** и **K** скрывают под вывеской обманчивой простоты сложную связь, которая может иметь бесконечное множество разновидностей, либо они определяют связь с такой степенью жесткости, что их применение к реальной аналитической ситуации становится безнадежной фальсификацией?

3. Нет никаких оснований считать, что какая-либо из этих альтернатив истинна; знаки могут быть связаны с фактами таким образом, что это не позволит им стать бессмысленными символами, и в то же время они могут быть достаточно абстрактными, чтобы гарантировать их применимость в целом, а не просто случайно, к реальным эмоциональным ситуациям.

4. Аналитик должен позволить себе оценить сложность эмоционального опыта, который ему предстоит прояснить, и при этом ограничить свой выбор этими тремя связями. Он решает, какие объекты связаны и какой из этих трёх символов наиболее точно отражает реальную связь между ними.

Если пациент настроен дружелюбно, связь можно обозначить как **L**. Это неадекватное обозначение, поскольку необходимо зафиксировать состояние переноса. Я избавляюсь от необходимости объяснять, что я имею в виду, записывая перенос в соответствии с предложенной мной ранее системой (предпоследний абзац гл. 13).

Будет видно, что использование **HKL** для того, чтобы заставить аналитика установить «ключ» сеанса, не то же самое, что его использование для записи эмоционального опыта; то есть это использование, которое даёт неполный отчёт о том, что, как известно, произошло. Но оно вводит элемент, который должен быть неотъемлемой частью любой системы записи, прежде чем её можно будет считать удовлетворительной, а именно рабочий инструмент. Обозначить эмоциональный эпизод как **K** — значит создать несовершенную запись, но хорошую отправную точку для спекулятивных размышлений аналитика. В этом отношении система, которую я набросал, несмотря на свою грубость и наивность, обладает затачками основных элементов системы записи — записи факта и рабочего инструмента.

15

1. Цель выбора L, H или K заключается в том, чтобы сделать одно утверждение, которое, по мнению аналитика, является истинным. Это не обязательно должно быть утверждение, точно отражающее осознание, которому оно соответствует; утверждение должно казаться аналитику истинным отражением его чувств и таким, на которое он может положиться для достижения особенно важной цели, а именно для того, чтобы служить стандартом, к которому он может привязать все другие утверждения, которые он намеревается сделать. Если выбрано L, то L выражает качество, с которым он сравнивает другие качества. L также выражает количество, и этим количеством аналитик будет измерять все другие выражаемые им количества. То есть, если под L он подразумевает, что два объекта связаны сильным чувством любви, он не будет использовать K для неформальной связи, например, нетерпеливого «Да, я знаю». Выбор L, H или K определяется не необходимостью представить факт, а необходимостью дать ключ к значению других элементов, объединенных в формализованном утверждении. В психоанализе, где ценность утверждения зависит от других утверждений, необходимость признания такого ключевого утверждения крайне важна. Необходимо ясно указать, что аналитик основывает значения всех элементов в своем анализе на одном утверждении. Теоретически я не вижу причин, по которым он не мог бы выбрать для этой цели любой элемент, который ему нравится, но на практике есть много аргументов в пользу выбора элемента, важность которого определяется другими аспектами его положения в общем контексте. Очевидно, что элемент, который уже имеет такую важность, с большей вероятностью выдержит бремя, которое он должен нести, чем тот, который такой важности не имеет. Связь L, H или K является именно таким элементом. Когда аналитик выбирает свой знак, он должен чувствовать, что это правильный выбор, и, естественно, он должен оставаться неизменным. Если при его использовании кажется, что другие элементы делают утверждение несовместимым с самим собой, другие элементы и отношения должны быть приведены в соответствие, а L, H или K оставлены без изменений, если только не станет ясно, что они были выбраны неправильно или что объект анализа изменился. В этом случае придется отказаться от всего этого утверждения и начать все сначала. Видно, что я придаю большое значение выбору L, H или K; что я предпочитаю выбирать знак, представляющий связь, как элемент, наилучшим образом подходящий для переноса той нагрузки, которую я хочу, чтобы он нес, но не испытываю затруднений в понимании того, что могут быть веские причины, по которым аналитик может предпочесть сделать свое «истинное» утверждение основанным на каком-то другом элементе; я не думаю, что этот выбор представляет какую-либо необоснованную степень сложности для подготовленного и практикующего аналитика.

2. L, H или K должны быть определены таким образом, чтобы аналитик чувствовал, что он установил точку отсчета. Таким образом, уменьшается опасность создания системы абстракций, лишенной контекста и подверженной только изобретательным и произвольным манипуляциям.

К — СВЯЗЬ

1. Я не буду рассматривать L и H, а обсужу K, поскольку он важен для аналитика и является связью, соответствующей обучению на опыте. В ходе обсуждения я также надеюсь затронуть другие моменты, имеющие отношение к связыванию, но которые я пока не смог рассмотреть. Мой первый тезис заключается в том, что L или H могут быть релевантны K, но ни один из них сам по себе не способствует K. «x K у», «аналитик K анализируемый», «I K Смит»; эти утверждения представляют собой эмоциональное переживание. Подобно L и H, K представляет собой активную связь и предполагает, что если «x K у», то x что-то делает с у; это представляет собой психоаналитическое отношение. В том смысле, в котором я предлагаю его использовать, оно не передает ощущение законченности, смысла того, что x обладает знанием, называемым у, а скорее, что x находится в состоянии познания у, а у находится в состоянии познания x. Утверждение x K у, в той мере, в какой оно означает, что x обладает знанием, называемым у, относится к категории отношений между лицом, делающим это утверждение, и лицом, которому оно делается, а также к отношениям с x и у, о которых оно делается.

2. Поскольку это утверждение означает, что x стремится узнать правду о у, оно соответствует утверждениям о взаимосвязи, которые, как считается, основаны на научном мировоззрении. Методы, используемые теми, кто имеет научное мировоззрение, достигли наибольшего успеха, когда у является неодушевленным объектом. Убеждение в том, что в отношении x K у преобладает научный взгляд, легче поддерживать, если у является неодушевленным а x можно представить как приближенный к неодушевленному, например, x использует машину. Истинность ощущается в записи, представленной графическим образом или записью человеческого голоса, в то время как этого не происходит в случае человеческого суждения. Упрощенность такого подхода проявляется, когда считают, что фотографическая фиксация не может дать свидетельств, доступных непосредственному наблюдению.

3. Сомнения в способности человека познавать что-либо лежат в основе исследований философа науки; эти сомнения сегодня происходят из неизбежного осознания того, что в ситуации, представленной этими абстрактными терминами, x K у тождествен x L у или x H у в том смысле, что одушевлённый элемент существует изначально. То есть, по мере того, как неодушевлённые механизмы вводятся для замены живого элемента, L, H или K перестают существовать. Проблема, с которой ассоциируются философы науки, приобрела дополнительное значение благодаря психоанализу, и это по двум основным причинам: x обладает силой и, как подробно показано, имеет слабость, в которой его всегда подозревали, когда он приступает к исследованию у, связанному со способностью у контактировать с реальностью. Я не собираюсь тратить время на обсуждение связанных с этим философских проблем, поскольку они уже были рассмотрены Кантом, Юмом и их последователями. Я хочу подчеркнуть, что все, что было сказано о проблемах познания, с особой силой применимо к психоанализу, и что психоанализ с особой силой применим к этим проблемам.

4. Вопрос «Как x может знать что-либо?» выражает чувство; оно представляется болезненным и неотъемлемо присущим эмоциональному опыту, который я представляю как x К у. Эмоциональный опыт, который ощущается как болезненный, может инициировать попытку либо избежать боли, либо изменить/смягчить её в зависимости от способности личности переносить фрустрацию. Избегание или изменение, в соответствии с точкой зрения, выраженной Фрейдом в его работе «Положение о двух принципах психического события» (1911b), направлены на устранение боли. Модификация осуществляется с помощью соотношения x К у, что приводит к отношению, в котором x обладает фрагментом знания, называемым у – значение для x К у, которое я отвергаю³⁶. С другой стороны, смягчение осуществляется путём подмены значения « x обладает фрагментом знания, называемым у», так что x К у больше не представляет болезненный эмоциональный опыт, а представляет собой предположительно безболезненный.

5. Такой маневр направлен не на утверждение, а на отрицание реальности, не на представление эмоционального опыта, а на его искажение, чтобы он выглядел как удовлетворение, а не как стремление к удовлетворению. Таким образом, разницу между целью лжи и целью правды можно выразить как изменение смысла в x К у и связать с нетерпимостью к боли, связанной с чувствами фрустрации. Проблема перевода частного «знания» в общедоступное является одинаковой как для искаженного, так и для неискаженного эмоционального опыта. При психоанализе некоторых пациентов мы должны учитывать их неспособность искажать эмоциональные переживания даже перед самими собой. Можно лучше понять психически больного человека, если учесть его неспособность заменить искаженное представление фактов представлением, которое соответствует реальности и, следовательно, проливает на нее свет. Вероятно, мотив можно объяснить высказыванием Фрейда о том, что «галлюцинация была отброшена только вследствие отсутствия ожидаемого удовлетворения». Необходимо будет подойти к проблеме, как будто преследуя две различные цели: одна связана с познанием человека или вещи, фактически К, а другая – с уклонением от К и эмоционального опыта, который он представляет. Поэтому процедура, которую я предлагаю, как часть К с целью понять « x К у» и то, что оно представляет, включает в себя идентификацию с человеком, который приходит на анализ. Она также включает в себя абстрагирование от осознания, чтобы создать формулировку, которая представляет осознание и, таким образом может соответствовать ему и следовательно представлять осознания, которые в настоящее время неизвестны.

17

1. В работе К, которой я занимаюсь, а именно в знании, я должен осознавать свой эмоциональный опыт и быть способным вывести из него утверждение, которое будет адекватно отражать этот опыт. Эта формулировка вызывает уверенность, если она затем отражает другие опыты, неизвестные на момент ее формулирования. Чувство уверенности сходно с тем, которое возникает, когда убеждение кажется подкрепленным здравым смыслом. Уверенность сопутствует осознанию того, что существует взаимосвязь между чувствами или что более чем один человек в группе разделяет то, что кажется одним и тем же

36 См. выше: «...оно не передает ощущение законченности, смысла того, что x обладает знанием, называемым у, а скорее, что x находится в состоянии познания у, а у находится в состоянии познания x .» - прим перев.

утверждением, одним и тем же представлением эмоционального опыта. Уверенность в представлении связана с

- (1) убеждением, что представление подтверждается здравым смыслом, и
- (2) что оно не только отражает эмоциональный опыт, из которого оно выведено, но и отражает другие представления, неизвестные на момент его формулирования.

Таким образом, абстрактная формализация, использующая знаки L, H и K для оценки одного эмоционального переживания, может сама быть проанализирована, если можно считать, что она служит абстрактным представлением другого эмоционального переживания.

2. Таким образом, абстрагирование можно рассматривать как этап формирования общедоступности, который облегчает сопоставление путем сравнения абстрагированного представления с рядом различных представлений, ни одно из которых не является тем, откуда оно первоначально было выведено. Конкретизация, напротив, может рассматриваться как форма, которая облегчает сопоставление с помощью здравого смысла, то есть путем утверждения чего-либо таким образом, чтобы это было признано объектом одного чувства, который, однако, может быть проверен как объект другого чувства. Критерием [качества] для утверждения должна быть его ценность в облегчении проверки более чем одним чувством или чувствами более чем одного человека. (В астрономии корреляции достигаются, хотя доступны только зрение и его данные, потому что отдельный первооткрыватель смог обнародовать свой личный опыт для проверки другими наблюдателями, современными или посмертными. Слабость, связанная с невозможностью использовать доказательства более чем одного чувства, компенсируется способностью абстрагировать утверждение об оригинальном эмоциональном опыте с такой строгостью, что реализации представления могут быть найдены, обнаружены или случайно признаны много лет спустя. Интуиция гелиоцентричности Аристарха могла быть подтверждена сотни лет спустя Кеплером). Математическая формулировка еще не доступна психоаналитику, хотя есть многообещающие возможности.

3. Причины создания абстрактного утверждения таковы:

- (1) аналитик вынужден сформулировать свою основную гипотезу;
- (2) аналитик может обнаружить из записей, что такая абстракция делает возможной любую тенденцию к упрощению теоретического арсенала, на который он опирается;
- (3) аналитик не теряет из виду происхождение своего теоретического инструментария из истории своей научной дисциплины;
- (4) практикующие аналитики смогут легче увидеть, что некоторые теории, до сих пор считавшиеся устоявшимися, фактически стали излишними или дискредитированными проверкой опытом, и
- (5) становится возможным соотнесение абстрактного утверждения с событиями, из которых оно не было выведено;
- (6) это помогает установить стандарт, к которому можно отнести все другие утверждения.

Примеры будут приведены на следующих страницах.

Процесс абстрагирования, к которому я сознательно прибегаю, имеет важное значение для эмоционального опыта х К у. Это не случайная процедура, от которой можно отказаться по желанию.

4. Отдав приоритет связи и согласившись ограничить её представление тремя символами L, H и K, можно подойти к проблеме представления, рассмотрев шаги, необходимые для создания успешного метода *искажения* представления. Поскольку процесс абстрагирования не является случайным и может быть произвольно отброшен, индивиду необходимо предпринять позитивные шаги для того, чтобы достичь состояния ума, наблюдаемого у некоторых психотиков, при котором способность к абстрагированию разрушена. Например, ценность слова «собака», которое относится не к конкретному животному, а к классу, как метода достижения абстракции и обобщения, разрушается, так что оно больше не может использоваться как название вещи, но является вещью-в-себе: «слова – это вещи». В формализованной системе, предназначеннй для представления связи K, необходимо ввести элементы, которые будут представлять искажение. Это можно сделать довольно просто, заимствовав из алгебраической геометрии процедуру, посредством которой изменение знака, скажем, для отрезка AB, представляет собой изменение направления отрезка. K представляет связь, которую я обрисовал: –K представляет связь, состоящую из НЕпонимания, т. е. неправильного понимания. Последствия этого можно лучше понять, если отметить, что –L не то же самое, что H, а –H не то же самое, что L.

5. В настоящее время факторы должны быть представлены посредством постраничной и построчной ссылки на ту часть литературы, которая даёт наилучшее определение фактора, на который делается ссылка. Поиск знаков для обозначения факторов, следя процедуре, принятой мной в отношении L, H и K, преждевременен, поскольку замена общепринятого термина знаком создаёт формализованную систему, настолько оторванную от своей основы, что она становится бессмысленной, в то время как при использовании постраничной и построчной ссылки основа представления, из которого выводятся теории, никогда полностью не теряется из виду. С другой стороны, формализация и абстракция, устранивая конкретное и частное, приводят к устранению аспектов, которые затеняют важность взаимосвязи одного элемента с другим. Использование специфических терминов, отличающихся своей конкретностью, хотя и сохраняет фон, из которого они выведены, затмевает тот факт, что конкретные термины – это переменные, значение которых зависит от контекста, в котором они находятся. Это означает, что главное – найти набор знаков, который будет адекватно представлять осознание, а также позволит отобразить взаимосвязь одного знака с другим – его контекстом.

18

1. В проделанной здесь работе (деятельность K) я обратился к абстрагированию, в отличие от конкретизации как обратного процесса, при котором слова перестают быть абстрактными знаками, а становятся самими вещами. Для адекватного отображения взаимосвязей необходимы абстракция и формализация.

2. Проблема описания невиданной [ранее] ситуации заключается не только в использовании для этого слов, уже наделенных полутиенью ассоциаций. Дело в том, что эта полутинь ассоциаций была приобретена в процессе установления психических отношений с конкретными объектами. Это стремление в развитии личности гораздо менее требовательно, чем попытка установить психические отношения с личностью, будь то собственной или чужой. Чувства предоставляют личности материал, над которым необходимо работать, чтобы создать то, что Фрейд называет «сознательным осознанием, прикреплённым к ним», то есть к чувственным данным. Но трудно поверить, что чувственные данные в их обычном понимании могут дать много ценного материала, когда объектом чувств является эмоциональное переживание личности (кому бы оно ни принадлежало). В состоянии страха или ярости чувства могут предоставлять данные о сердцебиении и подобных событиях, как мы их понимаем, периферийных по отношению к эмоциональному состоянию. Однако, в отличие от чувственных данных, непосредственно связанных с конкретными объектами, не существует чувственных данных, непосредственно связанных с психическим качеством. Следовательно, ипохондрические симптомы могут быть признаками попытки установить контакт с психическим качеством путём замены недостающих чувственных данных психического качества физическими ощущениями. Возможно, именно в ответ на осознание этой трудности Фрейд был склонен постулировать сознание как орган чувств для психического качества. Я нисколько не сомневаюсь в необходимости наличия в личности чего-то, способного установить контакт с психическим качеством.

3. Для личностей, которые, по-видимому, неспособны к истинным сновидениям, для погранично-психотических и психотических частей личности теория сознания как органа чувств для психического качества удовлетворительной не является. По стандартам клинической практики становятся очевидными противоречия, которые разрешаются, если к проблемам подходить с помощью другой теории. Слабость этой теории сознания проявляется в ситуации, для которой я предложил теорию, согласно которой альфа-функция, размножая альфа-элементы, создает контактный барьер – сущность, которая разделяет элементы так, что те, которые находятся на одной стороне, являются и формируют сознательное, а те, которые находятся на другой стороне, формируют бессознательное и являются им. Теория сознания слаба, но не ложна, потому что, посредством ее корректировки можно утверждать, что сознательное и бессознательное, постоянно возникающие описанным образом, функционируют вместе, как если бы они были бинокулярными и, следовательно, способными к взаимодействию и самооценке. Беспристрастная регистрация своих психических качеств у личности, в силу особенностей их происхождения, исключена: «взгляд» одной части на другую является как бы «моноокулярным». По этим и другим причинам, вытекающим из клинического опыта психоанализа той категории пациентов, у которых психотическая часть личности доминирует, я считаю теорию первичных и вторичных процессов неудовлетворительной. Эта теория слаба в необходимости постулировать две системы в той точке, где, согласно моей теории альфа-функции, эмоциональное переживание преобразуется в альфа-элементы³⁷, чтобы сделать возможными

³⁷ Важно различать природу этих двух теорий. Теория альфа-функции введена для того, чтобы дать возможность аналитику работать, не предлагая преждевременно новую теорию: Теория сознания Фрейда как органа восприятия психического качества является частью общепризнанной психоаналитической теории. Смотрите главу 12.

мысли во сне, бессознательное мышление наяву и сохранение в сознании (память). Я приписываю появление бета-элементов, тесно связанных с ними странных объектов и серьёзных нарушений, обычно связанных с чрезмерным доминированием психотических элементов личности, нарушению альфа-функции.

19

1. Придание значения термину «альфа-функция» является задачей психоанализа и не может быть достигнуто никаким другим способом. Ее статус, как я обсуждаю здесь, – это статус неизвестной переменной, используемой для удовлетворения потребности в системе абстракции, адекватной требованиям психоанализа. Эта и связанные с ней проблемы являются объектами исследования; они также являются инструментами, с помощью которых это исследование проводится.³⁸ Необходимо проводить различие между понятием альфа-функции и осознанием, которое, как считается, достаточно близко приближается к теории, в которой используется это понятие, чтобы оправдать присвоение термина «альфа-функция» в качестве названия, пусть и временного, для этого осознания.

2. В целях аналитического исследования следует предположить, что источником всех абстракций является фактор альфа-функции. Такая гипотеза согласуется с предположением о связи нарушения альфа-функции с преобладанием бета-элементов, которые отличаются своей конкретностью, вплоть до того, что некоторые пациенты воспринимают слова не как названия вещей, а как вещи в себе. Гипотеза должна быть сопоставлена с эмоциональными переживаниями, которые являются частью клинической проблемы установления значения самой альфа-функции. Прежде всего, необходимо выяснить, что является аналогом чувственного впечатления в отношениях человека с эмоциональным опытом. Органы чувств, принадлежащие им восприятия и их осознание происходят из чувственного опыта конкретных объектов. Что происходит с аналогами сенсорных впечатлений от эмоционального опыта? Как эти аналоги сенсорных впечатлений затем преобразуются в альфа-элементы? Полезно полагать³⁹, что чувственные впечатления эмоционального опыта

38 Процесс, который активирует аналитик в тех случаях, когда он исследует расстройства мышления, направлен на изучение того же процесса у пациента. То, что психоаналитики называют фантазиями, по крайней мере в некоторых случаях, является сегодняшним пережитком того, что когда-то было моделями, которые пациент сформировал в соответствии со своими эмоциональными переживаниями. В этом отношении миф об Эдипе - это пережиток модели, разработанной в соответствии с эмоциональными переживаниями младенца. Если в данном случае обнаружится расстройство мышления, то выяснится, что эта модель никогда не была сформирована должным образом. В результате эдипова ситуация будет казаться недостаточно проработанной или несуществующей. Анализ такого пациента выявит попытки, если анализ продвигается, сформулировать такую модель. См. также Frege, Grundgesetze (1952), стр. 154, в котором он обсуждает концепцию, которая является, так сказать, ненасыщенной.

39 Постулирование таких объектов может привести к возражению, высказанному Фреге (1884) против постулирования логических объектов (Grundlagen der Arithmetik, стр. 55, 56). Психоаналитик должен полагаться на эмоциональный опыт анализа, чтобы выявить элементы, которые он рассматривает как факторы альфа-функции. Если он сочтет, что некоторые из этих факторов заслуживают описания как аналоги чувственных впечатлений от конкретных объектов, то настанет время сформулировать соответствующие определяющие гипотезы или присвоить им уже существующие термины, которые, по-видимому, являются названиями таких определяющих гипотез. Таким образом, аналитик находится в положении человека, который, благодаря силе “бинокулярного” восприятия и вытекающей из него корреляции, которую дает способность к сознательному и бессознательному мышлению, способен формировать модели и абстракции, которые помогают объяснить неспособность пациента делать то же самое. Более подробное описание этого относится к описанию клинического психоанализа, в которое я не

аналогичны чувственным впечатлениям конкретных объектов. Если такие впечатления существуют, нам придётся рассмотреть, отличаются ли альфа-элементы, в которые альфа-функция преобразует чувственные впечатления эмоционального опыта, от альфа-элементов, в которые альфа-функция преобразует чувственные данные конкретного объекта, и если да, то в чём заключается это различие. Фройд предположил, что моделью первичных и вторичных процессов служит рефлекторный аппарат; применение теории функций требует сначала формирования модели, а затем её исследования на предмет того, может ли она быть представлена теоретической абстракцией, которую я назвал связью, и может ли она представить (и если да, то как) осознание, стимулировавшее создание модели. Альфа-функция представляет собой нечто, существующее при согласованном действии определённых факторов. Предполагается, что существуют факторы, действующие в таком согласованном действии, или, наоборот, если по какой-то причине они не действуют (то есть если имеющиеся факторы не наделены альфа-функцией), то личность не способна производить альфа-элементы и, следовательно, не способна к сновидным мыслям, осознанности или бессознательности, вытеснению или обучению на опыте. Эта неудача серьёзна, поскольку, помимо очевидных последствий, вытекающих из неспособности учиться на опыте, существует потребность в осознании эмоционального опыта, подобная потребности в осознании конкретных объектов, достигаемой посредством чувственных впечатлений, поскольку отсутствие такого осознания подразумевает лишение истины, а истина, по-видимому, необходима для психического здоровья. Влияние такого лишения на личность аналогично влиянию физического голодания на организм.

3. Обращаясь к абстрагированию и его продуктам, альфа-функции и её факторам, я смог обсудить психоаналитические неизвестные. Я продолжаю конкретизировать, то есть использовать термины, приближающиеся к тем, которые используются на уровне эмпирически проверяемых данных, чтобы размышлять о том, какая часть раннего психического аппарата переключается на обеспечение аппарата, необходимого для мышления. Фройд, описывая мышление как способ сдерживания двигательной разрядки, которая стала необходимой, просто говорит, что оно развилось из идеации. В своём обсуждении толкования сновидений он был впечатлен ценностью аппарата рефлексии как модели психического аппарата, участвующего в сновидении, и развил свою теорию первичных и вторичных систем в свете этой модели.⁴⁰ Я предполагаю, что мышление — это нечто, навязанное требованиями реальности не приспособленному для этой цели аппарату и, как сказал Фройд, одновременно господству принципа реальности. Современную аналогию можно провести, исходя из того, что требования реальности не только принудили к открытию психоанализа, но и привели к отклонению вербального мышления от его первоначальной функции — сдерживания двигательной разрядки — к задачам самопознания, для которых оно плохо подходит и ради которых оно должно претерпеть радикальные изменения.

4. Видно, что я игнорирую природу альфа-функции и оставляю её как абстракцию, используемую как неизвестное, значение которого приобретается только в ходе

могу здесь углубляться, за исключением тех случаев, когда это необходимо для иллюстрации моей темы, а именно проблемы метода аналитика в обучении на опыте.

40 3. Фрейд (1900а), "Толкование сновидений", Стандартное издание, т 4, глава VIIБ.

аналитического исследования⁴¹. Таким образом, я занимаюсь проблемой, отличной от той, которую Фройд исследовал в своих теориях идеации и модели рефлекторной дуги. Я предполагаю, что существовал аппарат, который должен был и всё ещё должен адаптироваться к новым задачам, связанным с удовлетворением требований реальности посредством развития способности к мышлению. Аппарат, который должен пройти эту адаптацию, изначально имел дело с чувственными впечатлениями, относящимися к пищеварительному тракту.

В этой системе, насколько я могу понять и насколько я могу передать словами то, что я вывел, происходит следующее: младенцу известно о наличие внутри него очень плохой груди, груди, которой «нет», и её отсутствие причиняет ему болезненные ощущения. Он ощущает, как этот объект «выводится» через дыхательную систему или в процессе «проглатывания» удовлетворяющей груди. Эта проглощенная грудь неотличима от «мысли», но «мысль» зависит от существования объекта, который фактически помещается в рот. При определённых условиях, зависящих от личностных факторов, процесс сосания и сопутствующие ему ощущения приравниваются к опорожнению «плохой груди». Грудь, вещь в себе, неотличима от идеи в сознании. Идея груди в сознании, наоборот, неотличима от самой вещи во рту. Остановившись пока только на двух ситуациях, одна из которых – это реальная грудь, неотличимая от эмоционального опыта, который, в свою очередь, является вещью-в-себе и мыслью, но в недифференцированном состоянии, а другая – плохая «потребность в груди», плохая грудь, которая в равной степени является объектом, составленным из эмоционального опыта и вещи-в-себе, причем оба они пока недифференцированы, ясно, что мы пришли к объекту, очень похожему на бета-элемент. Осознание и представление его в сознании не были дифференцированы. Характеристики этого состояния могут стать яснее, если я выявлю некоторые его проявления. Так, младенец, имеющий плохую грудь, «потребность в груди», может избавляться от нее, сосанием груди. Это, очевидно, требует топографически близкой связи с реальной грудью. Он может избавляться от нее через дыхательную систему; для этого не требуется тактильного ощущения. Он может избавляться от нее, видя реальную грудь. Для этого реальная грудь должна быть в поле зрения, то есть находиться в таком положении, когда быть в поле зрения глаз – то же самое, что быть в поле зрения ума, и то и другое – то же самое, что быть во рту. Когда все эти события представляют собой избавление от плохой груди – «необходимости в груди», ясно, что если [реальной] груди нет, то фактически «отсутствие груди» будет ощущаться не только как нечто плохое само по себе, но и как нечто еще худшее, поскольку она [реальная грудь], так сказать, является конкретным доказательством того, что плохая грудь была успешно эвакуирована. Эта ситуация соответствует ситуации, в которой «странный объект», а не «бета-элемент» был бы правильным описательным термином для объекта, существование которого ощущает младенец.

20

1. Когда избавление от «плохой» груди ощущается как ведущее к её внешнему присутствию, если избавление достигается, по-видимому, путём сосания настоящей груди,

41 Процесс, аналогичный тому, при котором предварительное представление (преконцепция) и опыт осознания сопоставляются для стимулирования возникновения представления.

последствия избавления не являются болезненными, как при дыхательном и других методах. Это стимулирует взаимодействие между принципами реальности и удовольствия-боли. Мы можем проследить:

- (1) процесс дифференциации представления от соответствующего осознания, процесс, посредством которого вещь-в-себе становится отличимой от идеи (Брэдли, 1.148),
- (2) эффекты соответствия между питанием и мышлением.

Первый пункт ведет непосредственно к обсуждению важности абстрагирования, которое в данном контексте можно рассматривать как аспект преобразования эмоционального опыта в альфа-элементы с помощью альфа-функции.

2. Кляйнианская теория о том, что младенец чувствует, что он эвакуировал свой плохой объект в грудь, в сочетании с теорией о том, что удовлетворение потребности может ощущаться как эвакуация потребности (сама потребность является — если использовать конкретные термины — плохой грудью или — если использовать абстракцию — тем, что я назвал бета-элементом), представляет собой ощущение младенца, что грудь в действительности является эвакуированным объектом и, следовательно, неотличима от бета-элемента. Что-то должно произойти, чтобы ребенок продолжил кормление. В описанном мной процессе подразумевается, что ситуация не может быть признана объективной. Если есть хорошая грудь, сладкий объект, то это потому, что он был эвакуирован, произведен; и то же самое с плохой грудью, необходимой грудью, горькой грудью и т. д. Ее нельзя рассматривать как объективную и нельзя рассматривать как субъективную. Из этих сладких, горьких, кислых объектов абстрагируются сладость, горечь, кислота. Будучи однажды абстрагированными, они могут быть применены повторно; созданная абстракция может использоваться в ситуациях, когда осознание (не исходное, от которого она была абстрагирована) приближается/подходит к ней. Например, эмоциональный опыт, в котором младенец чувствует, что есть объект, существующий независимо от него, от которого он может зависеть для удовлетворения своего чувства голода, связан с грудью. Если допустить способность к абстрагированию, младенец может чувствовать, что из всего опыта он может вычленить элемент, который является убеждением в том, что существует объект, способный удовлетворить его потребности. Конкретное утверждение может быть таким: существует грудь, на которую можно положиться, чтобы утолить потребность в еде. Абстрагирование от этого может быть таким: есть что-то, что может дать и дает ему то, что он хочет, когда он этого хочет.

3. Чтобы описать то, что чувствует младенец, когда, по мнению беспристрастного наблюдателя, его кормят грудью, можно сделать практически любое количество утверждений. Из этого эмоционального опыта и утверждения, его представляющего, а также всех других утверждений, которые можно было бы с равным основанием считать его представляющими, можно вывести ряд дальнейших утверждений. Поскольку их можно сделать огромное количество, значение этого для научной процедуры, с особым акцентом на предыдущем отрывке, будет обсуждаться позже. Предположительно, младенец также «может сделать ряд утверждений», и именно характер этих «утверждений» должен в конечном итоге интересовать аналитика. Первый уровень утверждений — частные и конкретные, выведенные

из реального эпизода; абстракции же всё больше и больше отдаляются от конкретного и специфического, пока их источник не потерян из виду. Полученные таким образом абстракции могут быть затем повторно применены к осознанию, когда будет найдено осознание, которое, по-видимому, подойдет к абстракции.

4. Ситуации, встречающиеся в анализе, таковы:

- (1) пациент, неспособный к абстрагированию, стремится существовать с психическим аппаратом, занятым интроверсией и проекцией бета-элементов;
- (2) пациент, способный к абстрагированию, создает теоретические системы, далекие от контекста осознаний, из которых они были абстрагированы, но распространяет эти системы в соответствии с правилами, которые делают абстракции в любой системе согласованными друг с другом;
- (3) пациент, способный продуцировать абстракции, множит системы, которые, кажется, не подчиняются никакой установленной системе правил. Хотя исходное осознание неизвестно (в этом отношении напоминая (2) выше), равно как и система правил, по которым происходила работа с абстракциями, он все же может найти осознания, которые приближаются к его абстрактным утверждениям;
- (4) пациент, способный к абстракции и формированию систем в соответствии с правилами, гарантирующими совместимость системы с самой собой, и все же неспособный найти осознание, к которому применимы абстрактные системы;
- (5) пациент, способный к абстрагированию и объединению этих абстракций в системы в соответствии с правилами (природа которых может быть продемонстрирована), гарантирующими, что системы не являются несовместимыми друг с другом. Может быть возможно установить исходное осознание, из которого эта абстракция была получена. Дальнейшие осознания могут приближаться к дедуктивным системам, хотя когда абстракция, которую можно рассматривать как их представление, была впервые намечена, о существовании последних могло не быть известно.

5. Я проигнорирую (1), поскольку производные абстрактные системы в этом случае формируют представления осознаний, которые обычно воспринимаются иначе, чем соответствующие (2), (4), (5). (3) представляет собой осознание, которое нам предстоит рассмотреть далее. Его особенность заключается в том, что осознания, приближающиеся к этому представлению, имеют поверхностное сходство с таковыми, приближающимися к (1), и другими, приближающимися к представлениям, полученным из (1).

6. В ходе обсуждения пунктов (1), (2), (3), (4) и (5) абстрагирование может быть с пользой исследовано как фактор альфа-функции. Теперь необходимо приступить к решению двух задач. Первая — это выяснение исходных осознаний абстракции. Вторая — выяснение связи модели с осознанием, из которого были выведены абстракция и теоретические дедуктивные системы (поскольку Фрейд использует этот термин в отрывке, где он говорит о рефлекторном аппарате как о модели аппарата, участвующего в сновидении). В какой степени и при каких обстоятельствах это исходное осознание может рассматриваться как модель для выведенной из неё абстракции или использоваться в качестве неё? Она может

легко быть использована в качестве такой модели непреднамеренно. Например, я говорил о некоторых оборотах речи как о свидетельствах не памяти, а «непереваренных фактов» (гл. 3:3). В этом утверждении подразумевается использование пищеварительной системы в качестве модели для процессов мышления. Есть основания полагать, что случаи эмоционального опыта, связанные с питанием, – это те, от которых индивиды абстрагировались, а затем интегрировали элементы для формирования теоретических дедуктивных систем, используемых в качестве репрезентаций осознания мыслей. Есть основания использовать пищеварительную систему в качестве модели для демонстрации и понимания процессов, участвующих в мышлении. Никакие возражения, за исключением соображений неэффективности, не могут быть выдвинуты против процедуры, посредством которой исходное осознание и вызванный им эмоциональный опыт преобразуются в репрезентации для осознаний, которые кажутся к ним близкими. Более того, конкретный образ исходного осознания может быть использован для последующего осознания в качестве модели. Различие между представлением, образованным из альфа-элементов, объединенных для создания абстрактной теоретической дедуктивной системы, и моделью, образованной из конкретных образов, объединенных в соответствии с тем, как предполагалось, должно быть взаимосвязями между компонентами исходного осознания, важно и должно быть сохранено во избежание путаницы. Но что можно сказать об использовании наших знаний о пищеварительной системе для создания модели не просто процессов, связанных с мышлением, но связанных с мышлением о мышлении?

7. Проблемы, связанные с нарушением мышления, заставляют нас размышлять о мышлении, и это поднимает вопрос техники: как нам размышлять о мышлении? Какой метод является правильным? Очевидно, что мы можем непреднамеренно использовать наши знания о пищеварительном тракте, когда стремимся прояснить нарушения мышления и, следовательно, явления, связанные с отношением пациента к мышлению о мышлении и его способностью к нему. Важность этого вопроса заключается в том, что некоторые пациенты находятся под влиянием убеждения, что они переваривают мысли и что последствия этого подобны перевариванию пищи. То есть, если они пытаются сделать то, что обычно можно было бы считать размышлением над идеей, они полагают, что мысли, подвергшиеся такой обработке, претерпевают изменения, аналогичные тем, которые претерпевает пища, превращающаяся в фекалии: некоторые идеи или их словесные представления сохраняются и, будучи выраженными, проявляются не как свидетельство обладания идеей, а как свидетельство, вкрапленное в матрицу бессмысленности, [то есть] того, что их мысли были уничтожены и лишены смысла, подобно тому, как фекалии и их непереваренные частицы можно рассматривать как пищу, уничтоженную и лишенную пищевой ценности.⁴² Интерпретации, адресованные такому пациенту, должны быть сформулированы таким образом, чтобы избежать слов, в которых подразумевается модель пищеварительной

42 Значимость этого феномена меняется в зависимости от эмоций, сопровождающих переживание. Пациент может считать свои действия эвакуацией, но характер его мнения зависит от того, чувствует ли он агрессию, депрессию или преследование. Если его действия представляют собой то, что аналитик считает нормальной вербальной коммуникацией, пациент не знает, «что он чувствует». Внешне поведение пациента очень напоминает состояние сна, подобное тому, что я описал в гл. 9 абз. 4. Фактически это β -экран, который не может вызвать разделение мыслей на сознательное и бессознательное. Если бы это был настоящий сон, клиническая ситуация предоставила бы доказательства разделения сознания и бессознательного, например, когда пациент идентифицируется с бессознательным, а аналитик — с сознанием, или наоборот.

системы. На практике, если аналитик осознает эту сложность, он может принять меры, чтобы не усугубить путаницу. Однако эта проблема наводит на мысль, что бессознательное использование этой модели может создавать трудности не только для психотика, но и для философа науки, занимающегося проблемами методов ясного мышления. Термин «ясное мышление», который я только что употребил, сам по себе свидетельствует о том, насколько словарь философии и психоанализа, который можно рассматривать как имеющий отношение к философии, аналогичное отношению математики [теоретической] к прикладной математике, насыщен моделями, выведенными из чувственных впечатлений от материальных объектов. Таким образом, мы можем неосознанно прибегать к тем же методам понимания, включая представление осознаний в сфере мышления посредством моделей, использованных в исходном осознании. Верно, что модель, которую нам дают современные знания о пищеварительном тракте, будет сильно отличаться от модели, которую даёт младенцу его знание о пищеварительной системе. Аналогично различие применимо к системам, построенным на альфа-элементах, выведенных в процессе абстрагирования; абстракции младенца не являются абстракциями взрослого.

21

1. Использование модели имеет значение для восстановления конкретности исследования, которое, возможно, утратило связь со своим контекстом в результате абстрагирования и связанных с ней теоретических дедуктивных систем. В этом отношении её достоинство сопоставимо с её достоинством как примитивного подхода к абстрагированию, поскольку целостный опыт, например, кормление, используется в качестве модели для последующей проблемы. Недостаток модели как инструмента усиливает необходимость создания абстракций.

2. Модель также обладает качествами, позволяющими ей выполнять некоторые функции абстракции. Она позволяет исследователю использовать эмоциональный опыт, применяя его в совокупности к последующему опыту или к какому-либо его аспекту. Эти достоинства сами по себе несут в себе элементы, которые в конечном итоге делают модель устаревшей. Ни один опыт не соответствует в точности прошлому опыту; научная дедуктивная система и её абстракции, или модель и связанные с ней образы, могут быть лишь приближением к осознанию, и наоборот.

3. Я различаю модель и абстракцию, оставляя термин «модель» для конструкции, в которой конкретные образы сочетаются друг с другом; связь между конкретными образами часто создает эффект повествования, подразумевающего, что некоторые элементы повествования являются причинами других. Модель построена из элементов из прошлого индивида, тогда как абстракция, так сказать, пропитана предварительными представлениями [преконцепциями] о будущем индивида.⁴³ Её сходство с моделью заключается в её происхождении из эмоционального опыта и применении к новому эмоциональному опыту; её отличие заключается в выигрыше не от повествования, но от метода, направленного на раскрытие самой взаимосвязи, а не связанных между собой объектов. Дедуктивная система извлекает из эмоционального опыта те качества, которые отображают взаимосвязь между

43 См. гл. 22, абз. 8

элементами этого эмоционального опыта. Сами связанные элементы имеют меньшее значение. Модель же делает акцент на реальных элементах, визуальных образах, но способ их связывания второстепенен.

4. Тот факт, что любое осознание лишь приближается к представлению, будь то абстракция или модель, является стимулом для дальнейшего абстрагирования и создания новых моделей.

Если обучающийся нетерпим к неизбежной для обучения фрустрации, он предается фантазиям о всезнании и вере в состояние, где всё известно. Знание [в этом случае] чего-либо заключается в «обладании» неким «фрагментом» знания, а не в том, что я назвал К.

Описание создания моделей и абстрагирования в главах 20 и 21 само по себе является примером использования создания моделей и абстрагирования, заложенного в К (или «познания» в смысле «узнавания» чего-либо). Если создание моделей и абстрагирование подразумевают способность к альфа-функции, они совместимы со всеми состояниями ума, упомянутыми гл. 20, за исключением (1). Если есть доказательства (1), несовместимость (1) с другими означает, что (1) и (2), (3), (4) и т. д. сосуществуют, но отделены друг от друга.

22

1. Написание этой книги – это воплощение К. Трудности, с которыми сталкиваются пациенты, страдающие «расстройством мышления», подобны тем, с которыми сталкиваются учёные и другие специалисты, занимающиеся установлением фактов, поскольку они возникают из-за неспособности установить факты и, следовательно, требуют исследования природы этого нарушения. Нарушение мышления у пациентов, страдающих расстройствами мышления, очевидно, коренится в личности. Психоанализ этого нарушения невозможен без понимания проблемы философа науки, и, наоборот, его проблема не может быть полностью сформулирована без помощи психоаналитического опыта расстройств мышления.⁴⁴ Исследование абстрагирования как части психоаналитического арсенала будет осуществляться с помощью этого двойного подхода. Сначала я рассмотрю абстрагирование как фактор альфа-функции в К-связи.

2. Предположим, младенец повторяет эмоциональное переживание, в котором постоянно соединены следующие элементы: вид мужчины, чувство того, что мужчина его любит, чувство желания мужчины, осознание повторения фразы матери: «Это папа». «Па, па, па», — говорит ребенок. «Верно, папа», — говорит мать. Из эмоционального переживания младенец абстрагирует определенные элементы. Что это за элементы, отчасти зависит от младенца. Этим абстрагированным элементам дается имя — «Папа» — в других ситуациях, в которых те же элементы кажутся соединенными; таким образом формируется словарь. Это не описание факта; я придаю ему статус модели, из которой я абстрагирую теорию, и ожидаю, что это будет представление, которому соответствует некое осознание. Теория, которую я абстрагирую, такова: Папа — это название гипотезы.⁴⁵ Гипотеза под названием «Папа» — это утверждение о том, что определенные элементы постоянно соединены.

⁴⁴ См. Р. Э. Мани-Кёрл (1961), "Картина мира человека", глава IV. Проблема, обсуждаемая в его книге, по сути, та же, что обсуждается здесь в ограниченной области психоаналитического метода. Он показывает, что с этим сталкивается каждый человек при решении задач, на протяжении всей своей жизни.

3. Теперь младенец встречает другого, который тоже говорит «Па-па-па», но при обстоятельствах, которые, по-видимому, не соответствуют обстоятельствам, с которыми ассоциируется «Па-па-па». Мужчина есть, но не тот. Однако элементы в этой новой ситуации соответствуют элементам в ситуациях, которые младенец считает осознаниями, соответствующими гипотезе, имя которой – «Папа». Гипотеза должна быть пересмотрена, чтобы отразить эти осознания. Она может быть заменена другой или может стать системой гипотез, научной дедуктивной системой. Опыты продолжаются, и научная дедуктивная система, называемая «Папа», становится все более сложной. Используя модель для абстрагирования теории, индивид должен быть способен абстрагировать из эмоционального опыта элементы, которые кажутся постоянно связанными, включая один элемент, который одновременно является названием теории, гипотезы или научной дедуктивной системы; это также название осознания, которое, как считается, приближается к теории. Таким образом, «стул» – это:

- (1) название, данное вещи-в-себе, как она должна существовать в действительности; это, следуя Канту, не может быть нам известно.⁴⁶
 - (2) имя, данное выбранному факту.
 - (3) имя, данное набору чувств, впечатлений и т. д., которые ощущаются, в силу выбранного факта, связанными и связными.
 - (4) имя определяющей гипотезы, которая утверждает, что эти элементы постоянно связаны.
- (3) и (4) соответствуют вторичным и первичным качествам Канта. Эти различия в природе содержания термина «стул» имеют практическое значение для психоаналитиков, которые сталкиваются с необходимостью и трудностью коммуникации внутри группы. До сих пор я использовал только два слова, «Папа» и «Стул», в качестве примеров названий гипотез, т. е. элементов, абстрагированных из эмоциональной ситуации и придающих связность посредством названия.

4. Использование термина «гипотеза» в качестве названия объекта, который чаще описывался бы как понятие [или концепция], является выражением проблемы, представленной пунктом (3), как она возникает при психоаналитическом исследовании. Проблема, которую представляет собой психоаналитический опыт, заключается в отсутствии адекватной терминологии для его описания, и в этом отношении она напоминает проблему, которую Аристотель решил, предположив, что математика имеет дело с математическими объектами. Удобно предположить, что психоанализ имеет дело с психоаналитическими объектами и что именно обнаружением и наблюдением этих объектов должен заниматься психоаналитик при проведении анализа. (3) описывает один из аспектов этих объектов. Я использую термин «гипотеза» условно, поскольку значение, связанное с научным

45 См. Х. Розенфельд, "О наркотической зависимости", Международный журнал психоанализа, 41 (1960), стр. 472, в качестве наглядного примера проблемы, который я проиллюстрировал на примере употребления «Папа» (в оригинале "Dada" — прим.перев.) младенцами. Хотя сообщается, что это происходит во сне, это типично для состояния ума, не ограничивающегося сном.

46 Кант, "Критика чистого разума", перевод Н. Кемпа Смита, тома XXVII–XXVIII, предисловие ко второму изданию.

использованием этого термина, имеет аспекты, общие для психоаналитического объекта. Идентификация такого объекта зависит от

- (a) возможности найти средство, с помощью которого можно передать природу объекта. Это предполагает использование тех же методов, которые являются объектом данного исследования, и
- (b) умственных способностей, которые может применить наблюдатель.

Таким образом, и (a), и (b) представляют собой наброски проблем, вокруг которых должны сойтись эти исследования.

5. Из всех элементов в осознании только некоторые имеют соответствующие им сенсорные данные, связанные друг с другом в режиме постоянного соединения. Эти элементы и соответствующие им чувственные данные, следовательно, могут рассматриваться как абстрагированные от совокупности элементов осознания. Дальнейшее абстрагирование происходит, когда элементам дается имя, воспринимаемое как отличное от представляемого ими осознания. Абстракция должна быть способна выполнять функцию предварительного представления [или преконцепции]. Следовательно, обобщение должно быть способно к конкретизации; абстракция должна быть способна к конкретизации. Термин «конкретизация» подразумевает модель, из которой абстракция выводится. Модель предоставляет смысловой фон, который может уберечь мое утверждение от такого отрыва от реальности, что оно стало бы непригодным для соединения с его осознанием. Но импликация, которая является ее [модели?] сильной стороной, становится слабостью, когда она используется участником отношений, в которых имеется связь «минус К». (В дальнейшем я буду писать это как «-К»; подробно это обсуждается в главе 28). Эта слабость и ее использование при -К становятся очевидными в анализе пациента, который, по-видимому, не способен к абстрагированию, пациента, для которого слова являются вещами – вещами, которые слово должно представлять, но которые для него неотличимы от их названия и наоборот.

6. Проблемы, связанные с абстрагированием, можно прояснить, если рассматривать их наоборот, как проблемы движения от общего к частному, от абстрактного к конкретному.⁴⁷ Когда я говорю о конкретизации, я использую метафору и надеюсь, что меня поймут, что я её использую. Пациенты такого типа этого не поймут. Для них это слово будет «кусок бетона».⁴⁸ Это было бы справедливо и в том случае, если бы он, как и я, попытался бы прояснить свою мысль, используя термин «конкретизация». Я могу осознавать, что мне не удается ясно выразить свою мысль, но не думаю, что моя трудность заключается в том, чтобы передавать куски бетона, когда мне хочется просто поговорить.

7. Теория, согласно которой понятие представляет собой утверждение о том, что определенные элементы соединены постоянно, а слово – название этого утверждения, может быть использована в качестве модели для формулировки более абстрактной и широко охватывающей теории. Осознание каждой эмоциональной ситуации – это приближение к

47 В оригинальном тексте “... from abstract to concrete”. Следует обратить внимание, что существительное “concrete” в английском также значит и «бетон». — прим.перев.

48 Х. Сигал, «Заметки о формировании символов», Международный журнал психоанализа (1957). Что касается конкретизации и абстракции, см. её комментарии к символическому уравниванию.

теоретической дедуктивной системе, представляющей её, даже если эта научная дедуктивная система или представление ещё не открыты.

8. Теперь стало возможным проще сформулировать природу психоаналитического объекта. Предположим, что ψ представляет собой константу (ξ), ненасыщенный элемент⁴⁹, определяющий значение константы после того, как она была установлена. Мы можем использовать неизвестную константу ψ для обозначения врождённого предварительного представления (преконцепции). Используя модель для придания временного смысла термину «врождённая преконцепция», я предположу, что у младенца есть врождённая преконцепция о существовании груди, удовлетворяющей его собственную несовершенную природу. Осознание груди даёт эмоциональное переживание. Это переживание соответствует вторичным и первичным качествам явления, по Канту. Вторичные качества определяют значение ненасыщенного элемента (ξ) и, следовательно, значение ψ (ξ). Этот знак теперь отражает собой представление (концепцию). Ранее ненасыщенный элемент (ξ) вместе с неизвестной константой ψ имеют общий компонент, то есть врождённый характер личности. Пусть он будет представлен как (M). Психоаналитический объект тогда может быть представлен как ψ (ξ) (M). Значение (M), как и (ξ), определяется эмоциональным опытом, вызванным осознанием, то есть, в предложененной мной модели, контактом с грудью. Значение психоаналитического объекта ψ (ξ) (M) определяется, таким образом, идентификацией (ξ) (M), вызванной осознанием.

9. Это ещё не всё. Расширение понятия психоаналитического объекта, как и расширение всех биологических понятий, включает явления, связанные с ростом. Рост можно рассматривать как положительный или отрицательный. Я обозначу его как ($\pm Y$). Знаки «плюс» и «минус» используются для придания смысла или направления следующему за ними элементу аналогично их использованию у координат в геометрии. Чтобы обозначить этот аспект его расширения, я обозначу психоаналитический объект как $\{(\pm Y) \psi (\xi) (M)\}$. Предшествует ли (Y) знак «плюс» или «минус», будет определяться только при контакте с осознанием. Абстрагирование от психоаналитического объекта будет связано с разрешением противоречивых утверждений нарциссизма и социальности. Если тенденция социальная ($+Y$), абстрагирование будет сопряжено с выявлением первичных качеств. Если тенденция нарциссическая ($-Y$), оно будет заменено деятельностью, соответствующей $-K$, которую я ещё не обсуждал.

10. K , которым ограничен аналитик, предполагает абстрагирование от психоаналитического объекта, представленного $\{(Y) \psi (\xi) (M)\}$. Абстракция должна быть способна служить константой, чтобы она могла выполнять функцию неизвестного, и в то же время, в силу аналитического объекта, из которого она происходит, обладать атрибутами преконцепции, имеющей, в отличие от врождённой преконцепции, полутень смысла. Она

49 Согласно Г. Фреге:

Ненасыщенные (функции) — объекты с "пробелами" или местами, которые необходимо заполнить. Например, математические функции $f(x)$ или $(2 + _)$. Чтобы стать полными выражениями т. е. иметь значение, для них требуются аргументы (объекты).

Насыщенные (объекты) — полные объекты (например, числа или значения истинности), которые не нуждаются в заполнении и могут быть аргументами функций.

Это объясняет, как мир взаимосвязан — ненасыщенные функции связывают насыщенные аргументы, образуя единое целое и приобретая значение (например, $2 + 3 = 5$). — прим. перев.

[т. е. абстракция, способная служить константой] остаётся неизвестным, но диапазон значений, которые могут быть ей приданы путём идентификации (ξ), ограничен. «Априорное знание» может применяться только к психоаналитическим объектам, где ψ является [таким] неизвестным, значение которого может быть определено путем идентификации (ξ) без ограничений.

Необходимо и должно быть возможным найти гипотезы, которые могут быть использованы в научных дедуктивных системах либо как предпосылки, либо как производные гипотезы. Эти научные дедуктивные системы, абстрагированные из эмоционального опыта, могут быть затем обнаружены как представляющие другие эмоциональные переживания, из которых они не были выведены, но которые можно рассматривать как приближенные к рассматриваемой представляющей научной дедуктивной системе. Затем научную дедуктивную систему можно дополнительно абстрагировать, чтобы получить эквивалент алгебраического исчисления, который будет представлять её.

23

1. Пуанкаре⁵⁰ описывает процесс создания математической формулировки следующим образом:

Чтобы новый результат имел хоть какую-то ценность, он должен объединить давно известные, но до сих пор разрозненные и, казалось бы, чужды друг другу элементы и внезапно внести порядок туда, где царил кажущийся беспорядок.

Тогда он позволяет нам одним взглядом увидеть каждый из этих элементов на том месте, которое он занимает в целом. Новый факт ценен не только сам по себе, он сам по себе придаёт ценность старым фактам, которые он объединяет. Наш ум так же слаб, как и наши чувства; он бы затерялся в сложности мира, если бы эта сложность не была гармоничной; подобно близорукому человеку, он видел бы только детали и был бы вынужден забывать каждую из них, прежде чем рассмотреть следующую, потому что не способен охватить целое. Единственные факты, достойные нашего внимания, — это те, которые вносят порядок в эту сложность и тем самым делают её доступной для нас.

2. Это описание очень напоминает психоаналитическую теорию параноидно-шизоидных и депрессивных позиций, намеченную Кляйн. Я использовал термин «выбранный факт» для описания того, что психоаналитик должен пережить в процессе синтеза. Название одного элемента используется для конкретизации выбранного факта, то есть названия этого элемента в осознании, который, по-видимому, связывает воедино элементы, ранее не считавшиеся связанными. Тогда можно увидеть, что представления выбранных фактов обладают аналогичной связностью, если будет найдена подходящее представление для ряда выбранных фактов. Выбранные факты вместе с выбранным фактом, который, по-видимому, связывает ряд выбранных фактов, возникают из психоаналитического объекта или ряда таких объектов, но не могут быть сформулированы в соответствии с принципами, управляющими научной дедуктивной системой. Прежде чем такая система может быть создана, выбранные факты должны быть обработаны сознательными рациональными процессами. Только тогда может быть сформулировано представление, которое объединит элементы связных выбранных

50 А. Пуанкаре, Наука и метод (Dover Publications), 1914.

фактов в научную дедуктивную систему. В научной дедуктивной системе гипотезы системы должны быть связаны правилами, но они не соответствуют тому, что в осознании, по-видимому, связывает вместе элементы, взаимосвязь которых, как представляется, раскрывается выбранным фактом. Правила, которые связывают гипотезы в системе гипотез, а именно научную дедуктивную систему, являются правилами логики. Связь между гипотезами научной дедуктивной системы, а именно логическая связь между ними, которая была выдвинута на первый план дедуктивной системой, характерна для сознательного рационального мышления, но не для связи между элементами, в осознании которой явления кажутся связанными в результате открытия выбранного факта. Выбранный факт - это название эмоционального переживания, эмоционального переживания чувства открытия связности. Следовательно, его значение эпистемологическое, и связь выбранных фактов не должна предполагаться логической. Элементы, считающиеся связанными, имеют аналог в действительности – вещи в себе. Должны ли мы предположить, что выбранный факт представляет собой вещь в себе, и аналогично, что отношение, а именно логическое отношение, между элементами дедуктивной системы также имеет аналог в действительности – вещь в себе, приближающуюся к дедуктивной логике? Фактически математическая формулировка имеет некоторые свойства попытки сформулировать систему отношений между математическими объектами, к которой может приближаться некоторое воплощение отношений. Другими словами, нет никаких оснований полагать, что правила, управляющие логическим манипулированием элементами в научной дедуктивной системе, должны иметь какую-либо соответствующее воплощение. Из этого следует, что элементы в аналитическом объекте могут быть связаны друг с другом совершенно иным образом, чем их представления в научной дедуктивной системе. Прогресс в выяснении области связанности, вероятно, будет зависеть от освещения К –К и свойственных этому психоаналитических объектов.

3. Сеть отношений, различимая в научной дедуктивной системе или соответствующем ей исчислении, может не иметь никакого воплощения. Успешные исследования были связаны с неодушевленными объектами, которые одушевленный объект разделяет с неодушевленным. В таких случаях логическая структура научной дедуктивной системы и представляющее ее алгебраическое исчисление, по-видимому, имеют соответствующее воплощение, вероятно, потому что оно выводится из подобного воплощения. То есть существует воплощение, которое, по-видимому, приблизительно соответствует фактической сети отношений, которая является внутренней для самой научной дедуктивной системы. Исследование элементов, которые по сути являются одушевленными, не дает такого соответствия. Форма связи элементов, связанных между собой нарративом, отличается от формы связи, обнаруживаемой при переходе от параноидно-шизоидной к депрессивной позиции.

4. Нарративная/повествовательная форма связана с теорией причинности, а другая — с депрессивными позициями и выбранным фактом. Возможно, нет никакого воплощения/осознания, которое соответствовало бы обеим этим теориям.

5. Любой опыт может быть использован в качестве «модели» для какого-либо будущего опыта. Этот аспект обучения на опыте связан с функцией внимания, которую ему приписывает Фрейд, говоря, что оно должно «периодически исследовать внешний мир, чтобы его данные могли быть уже знакомы, если возникнет насущная внутренняя

потребность». Ценность модели заключается в том, что её знакомые данные доступны для удовлетворения насущной внутренней или внешней потребности. Выбранный факт предваряет модель. Согласованность элементов модели, отождествляемая с осознанием/воплощением, затем ощущается как относящаяся к элементам осознания/воплощения.

6. Прежде чем эмоциональный опыт может быть использован для модели, его чувственные данные должны быть преобразованы в альфа-элементы для сохранения и сделаны доступными для абстрагирования. (При –К смысл абстрагируется, оставляя обнажённое представление.) Создание модели при получении опыта связано с моделью, необходимой для этого опыта. Альфа-функция во время получения опыта создает элементы, необходимые для создания модели в последующем опыте. Модель формируется во время опыта, для которого модель необходима. Из ментального хранилища извлекаются элементы, чтобы предоставить модель, являющуюся приближением к событию, которое она должна прояснить. Личность абстрагирует из опыта элементы, которые, как ожидается, повторятся, и формирует из этих элементов модель, которая сохранит часть исходного опыта, но с достаточной гибкостью, чтобы обеспечить адаптацию к новому, но предположительно схожему опыту. Она абстрагирует элементы, чтобы построить либо модель, либо абстракцию, либо и то, и другое. Я буду использовать термин «модель» в тех случаях, когда конструкт создается для удовлетворения «насущной потребности» в конкретности. (Конструкт, выдумка, конкретность: все три слова несут в себе влияния моделей, из которых они были абстрагированы. Я оставил этот отрывок как пример скрытого, хотя в данном случае заметного, влияния модели.) Если возникает необходимость в модели, то эти элементы будут извлечены из запаса альфа-элементов, которые, подобно зрительным образам, содержат воспоминания об эмоциональном опыте, в ходе которого сформировался альфа-элемент. Чем больше таких элементов используется, тем более жесткой становится модель и тем более ограниченным становится ее применение; ограничение изменяется, если модель, сформированная из комбинации этих элементов, затем подвергается дальнейшему абстрагированию. Затем абстракции необходимо объединить в соответствии с правилами логики. Эта система абстракций и есть научная дедуктивная система.

24

1. Предположим, что пациент выдал ряд ассоциаций и других материалов. Аналитик располагает:

- (1) наблюдениями за материалом пациента
- (2) различными собственными эмоциональными переживаниями
- (3) знанием одной или нескольких версий мифа об Эдипе⁵¹
- (4) одной или несколькими версиями психоаналитической теории Эдипова комплекса
- (5) другими фундаментальными психоаналитическими теориями

51 См. Дж. О. Уиздом, «Методологический подход к проблеме истерии», International Journal of Psycho-Analysis, 42 (1961). Также «Сравнение и развитие психоаналитических теорий меланхолии» (Уиздом, 1962).

Некоторые аспекты сеанса покажутся ему знакомыми; они напомнят ему о прошлом опыте, аналитическом и ином. Другие, по-видимому, будут иметь сходство с эдиповой ситуацией. Исходя из этих источников, аналитик может сформировать модель; проблема состоит в том, чтобы решить, сталкивается ли аналитик с реализацией фройдовской теории Эдипова комплекса. Теория Эдипа не совсем соответствует тому, что физик назвал бы научной дедуктивной системой, но может быть сформулирована так, чтобы соответствовать требованиям включения в такую категорию. Её слабость как члена этого класса, вероятно, заключается в отсутствии абстракции и особой структуре, посредством которой её элементы связаны друг с другом. Отчасти это связано с тем, что чем конкретнее элементы, тем меньше они позволяют вариантов комбинирования.

2. Кроме того, два фактора: реальная природа сети взаимосвязей, в которой находятся элементы, и происхождение элементов из мифа, контрастируют с элементами научной дедуктивной системы, используемой физиком. Последняя претендует на то, чтобы выводить их из одного осознания/воплощения чтобы быть способной представлять другое, в то время как психоаналитическая формулировка выводится из эмоционального опыта народного повествования и выражается им и, как утверждается, представляет осознание, встречающееся в психоанализе. Фройд вывел свою теорию из эмоционального опыта психоаналитического исследования, но его описание не может быть сопоставимо с формулировками, которые обычно считаются отражающими научное открытие. Я хотел бы обсудить лишь два методологических недостатка теории Эдипа.

Во-первых, теория в её нынешнем виде настолько конкретна, что её невозможно сопоставить с её воплощением. Иными словами, невозможно найти воплощение/осознание, которое приближалось бы к теории, элементы которой, конкретные сами по себе, были бы объединены в повествовательную сеть взаимосвязей, которая являлась бы неотъемлемой и существенной. Без нарратива элементы теряют свою ценность.

Во-вторых, и наоборот, если элементы обобщаются, теория становится изобретательной манипуляцией элементами в соответствии с произвольными правилами – наиболее распространенной формулировкой этого подозрения в отношении теории является критика аналитика и анализанта за пристрастие к жаргону.

3. Теоретическая формулировка, кажущаяся слишком конкретной и одновременно слишком абстрактной, требует обобщения таким образом, чтобы её воплощения было легче обнаружить, избежав сопутствующего недостатка, чаще всего встречающегося в математике, – ощущения произвольной манипуляции символами. Может ли она сохранить свои конкретные элементы, не теряя гибкости, столь необходимой для психоаналитического применения? Её можно сделать более абстрактной, хотя мы можем и не найти алгебраического исчисления для представления научной дедуктивной системы. Я подробнее расскажу об этой возможности позже.

4. Я убеждён в прочности научной позиции психоаналитической практики. Я считаю, что практика психоаналитиков, направленная на превращение психоанализа в неотъемлемый учебный опыт, решает фундаментальные проблемы, существующие на данный момент, поскольку она делает сознание и бессознательное доступными для корреляции; но я не

считаю менее насущной необходимость исследования недостатков, возникающих из-за ошибочного построения теории, отсутствия нотации и отсутствия методического ухода и обслуживания психоаналитического оборудования. («Уход», «обслуживание», «оборудование» – снова неявная модель.)

25

1. Модель можно рассматривать как абстракцию эмоционального опыта или как конкретизацию абстракции. Последнее имеет сходство с преобразованием гипотезы в термины эмпирически проверяемых данных. В группе миф имеет определённые основания считаться выполняющим в обществе ту же роль, что и модель в научной работе отдельного человека.

2. В качестве примера модели я возьму воображаемую историю о младенце, выучившем слово «папа». Эта история не претендует на достоверность. Она основана на опыте пациентов, проходящих анализ, наблюдении за детьми, отрывочном чтении, частично на философских и других источниках; короче говоря, она основана на опыте – моём опыте. Это артефакт, состоящий из элементов, отобранных мной из моего опыта. Но он был сформирован с определённой целью; выбор и сочетание элементов не случайны, а призваны «объяснить» или прояснить проблему абстракции. Следовательно, она не имеет никакой доказательной ценности; её ценность заключается в лёгкости, с которой её можно передать и сравнить с фактами. Напротив, рассказ пациента, который чувствует, что слова – это вещи, – это не модель, а пример; то, что я описываю, претендует быть осознанием/воплощением. Модель была создана, чтобы проиллюстрировать мой опыт работы с конкретным пациентом, и используется для сравнения с этим осознанием. Потенциально каждое осознание/воплощение приближается к абстракции или научной дедуктивной системе, даже если та, которой оно соответствует, ещё не открыта (Глава 20:4). Сравнение модели и воплощения может привести к получению желаемого прояснения; или же она может оказаться настолько неудовлетворительной, что я решу, что модель бесполезна, и откажусь от неё. Модели эфемерны и этим отличаются от теорий; я без угрызений совести отказываюсь от модели, как только она послужила или не послужила моей цели. Если модель оказывается полезной в ряде различных случаев, пришло время рассмотреть её преобразование в теорию.

3. Психоаналитик может создавать столько моделей, сколько пожелает, из любого доступного ему материала. Важно не путать эти эфемерные структуры с осознаниями, с одной стороны, и теориями, с другой. Модель выполняет ценную функцию при условии, что она всегда понимается такой, какая она есть. Если аналитик считает, что описывает реальное событие, он должен ясно это заявить и не допускать размыкания различия между событием, подлинность которого подтверждается доказательствами, и моделью. То же самое относится и к различию между моделью и теорией. Я рассмотрю специфические трудности, с которыми сталкивается психоаналитик, пытаясь избежать путаницы при проведении различия между теорией и моделью, а также между моделью и особой формой теории, известной как психоаналитическая интерпретация.

4. Процесс абстрагирования от осознания может напрямую переходить от осознания к научной дедуктивной системе через промежуточную фазу создания модели. Из модели

выбираются элементы и используются в качестве элементов научной дедуктивной системы. Необходимость этой процедуры становится очевидной, когда модель используется для прояснения осознания, которое, как считается, приближается к модели, а затем обнаруживается, что модель недостаточно близка к нему для прояснения проблемы, для которой ищется решение. Я игнорирую случайность, возникающую при ошибочном сопоставлении осознания с моделью; эта ошибка устраняется созданием новой модели. Серьёзная ошибка возникает, когда модель рассматривается как ближайшее возможное приближение к осознанию, но, тем не менее, не отражает развитие осознания движением в её собственной внутренней структуре. Эта ошибка может возникнуть всякий раз, когда используется создание модели; но риск её возникновения повышается, когда мы, как в психоанализе, имеем дело с развитием/ростом и говорим об «умственных механизмах». Разговор о «механизме» предполагает, что, каким бы ни было описываемое таким образом явление, подразумеваемая модель, вероятно, больше подходит к неодушевлённой машине, чем к живому организму. Она, вероятно, подчёркивает те аспекты живого организма, которые он разделяет с неодушевлённым. Это серьёзный недостаток, поскольку модели нам требуются, когда проблема наиболее сложна, то есть когда центральными являются характеристики роста; а это происходит большую часть времени. Термин «механизм» подразумевает модель машины, которая как раз воплощением и не является. Опасности чрезмерного абстрагирования не допускают простого решения через отказ от использования моделей. Поэтому психоаналитики наверняка знакомы с ситуацией, когда модель, используемая для избежания опасностей теоретизирования, к которому я отношу и интерпретацию, страдает дополнительным недостатком: она настолько близка к воплощению, из которого выведена, что, соответственно, становится неудобоваримой, когда требуется представить воплощение/осознание, от которой она отделена именно своей конкретностью. Этот недостаток напоминает недостаток бета-элемента как элемента мышления. Преобразование, которому должна подвергнуться модель, чтобы её можно было использовать в качестве обобщения, аналогично процессу преобразования чувственных данных в альфа-элементы. Альтернативой поиску или созданию новой модели является дальнейшее абстрагирование. Затем модель заменяется научной дедуктивной системой. В качестве примера рассматриваемых вопросов я рассмотрю научный подход к проблемам К-отношений.

26

1. Термины «Любовь», «Ненависть» и «Знание» имели предшествующие модели. «Связь» (см. гл. 14:2) может подразумевать модель или абстракцию. Неспособность пациента решить свои проблемы в некоторых случаях может быть обусловлена тем, что он неправильно использует модели. Создавая собственную модель, аналитику в таких случаях необходимо осознавать и раскрывать модель, используемую пациентом. Модель аналитика должна быть такой, чтобы она позволяла ему прийти к интерпретации фактов, которые представляются для тщательного изучения. Если аналитик предполагает, что мышление пациента ошибочно и является источником его проблем, ему понадобятся собственная модель и теория мышления; ему понадобится модель для образа мышления пациента, и на её основе он сможет вывести, какова модель мышления пациента. Затем он может сравнить

свою модель и абстракцию с [таковыми у] пациента. Пациент, который считает слова вещами-в-себе, не чувствует, что делает то же самое, что мы думаем, когда говорим, что он думает. Чтобы сравнить обычный взгляд на мышление с мышлением такого пациента, необходимо найти подходящую модель и теорию. Одна из моделей, как мы видели, широко распространена — модель, основанная на эмоциональном опыте пищеварительной системы. Обычно нет необходимости отказываться от этой модели, хотя её недостатки очевидны — она всё же может помочь, позволяя говорить о «непереваренных фактах». Но для психоаналитического исследования мышления она неадекватна, и требуется другая модель. Эта потребность стала очевидной в психоаналитическом исследовании расстройств мышления. Исследования психического развития показывают, что некоторые люди ведут себя так, как будто их модель мышления не соответствует модели здоровой пищеварительной системы или, возможно, вообще не соответствует [какой-либо] модели пищеварительной системы. Поэтому необходимо выяснить, какова их модель.

2. Фройд утверждал, что мысль служит средством ограничения двигательной разрядки⁵²; она больше не была связана с освобождением психического аппарата от наслоений стимулов, а использовалась для соответствующего изменения реальности. Согласно этому, мысль является заменителем двигательной разрядки, хотя он не утверждает, что двигательная разрядка перестает функционировать как метод освобождения психики от наслоений стимулов. Но посредством проективной идентификации сама мысль берёт на себя функцию, ранее возложенную на двигательную разрядку, а именно освобождение психики от наслоений стимулов; подобно «действию», она может быть направлена на изменение окружающей среды, в зависимости от того, стремится ли личность к избеганию фрустрации или к её преобразованию. «Мышление» можно рассматривать как название, данное модели или абстракции, полученной из осознания; в случае с реальным пациентом проблема состоит в том, чтобы определить, что он подразумевает под термином «мышление». Человек может иметь в виду, что он использует мысли, а мысль — это нехорошая грудь, грудь — «потребность в груди». Тогда проблема будет заключаться в том, чтобы увидеть, как он использует этот «объект», особенно если пациент чувствует себя неспособным эвакуировать его — освободить себя от этих наслоений внутренних стимулов.

3. Проблема упрощается, если считать, что «мысли» эпистемологически предшествуют мышлению, и что мышление должно быть разработано как метод или аппарат для работы/обращения с «мыслями». В этом случае многое будет зависеть от того, будут ли «мысли» подлежать избеганию, преобразованию или же будут использоваться как часть попытки избежать или преобразовать/изменить что-то другое. Если они воспринимаются как наслоения стимулов, то они могут быть подобны или идентичны бета-элементам и, как таковые, будут подвергнуты исцелению посредством двигательной разрядки и работы мускулатуры для ее осуществления. Следовательно, разговор следует рассматривать как потенциально два различных вида деятельности: один — как способ передачи мыслей, а другой — как использование мускулатуры для освобождения личности от мыслей.

4. Необходимо создать аппарат, позволяющий думать уже существующую мысль. В качестве «модели» мысли я беру чувство голода, связанное с визуальным образом груди,

52 3.Фройд «Положение о двух принципах психического события» (1911b)

которая не удовлетворяет, но имеет свойство быть необходимой. Этот необходимый объект — плохой объект; все необходимые объекты — плохие, потому что они мучают. Они нужны, потому что ими фактически не обладают; если бы они были, не было бы недостатка. Поскольку их не существует, они представляют собой особые объекты, отличные от тех, что существуют. Таким образом, мысли, или эти примитивные элементы, прото-мысли, плохи, это необходимые объекты, от которых нужно избавиться, потому что они плохие. От них можно избавиться либо путём уклонения, либо путём модификации. Проблема решается эвакуацией, если личностью доминирует импульс избежать фрустрации, и осмыслением объектов, если личностью доминирует импульс изменить фрустрацию. В аналитической практике для аналитика возникают путаница и сложности, поскольку оба типа личности используют одно и то же название для объектов, которые по сути различны. Различие можно подчеркнуть сравнением: если преобладает уклонение, имя обозначает бета-элемент, то есть вещь в себе, а не имя, которое её представляет; вещь в себе не существует и, следовательно, мучает — с нейправляются путём отчуждения (эвакуации). Если доминирует модификация, имя обозначает альфа-элемент; то есть имя — это имя представления вещи в себе, которая существует и, следовательно, потенциально доступна для использования в достижении удовлетворения. Дальнейшие осложнения возникают, поскольку пациент вряд ли будет последовательным и не объяснит чётко, какие объекты обозначаются используемыми им именами.

5. Если пациент не способен «думать» мыслями (то есть мысли у него есть, но отсутствует аппарат «мышления», позволяющий ему использовать свои мысли, так сказать, думать ими), первым результатом становится усиление фрустрации, поскольку отсутствует мысль, которая должна «позволить психическому аппарату выдерживать возросшее напряжение во время задержки процесса разрядки». Шаги, предпринятые пациентом для избавления от объектов, прото-мыслей или мыслей, которые для него неотделимы от фрустрации, привели его именно к тому, чего он хотел избежать, а именно к напряжению и фрустрации, не смягчаемым способностью к мышлению. Отсутствие способности к мышлению, таким образом, подразумевает двойной провал: он обусловлен отсутствием альфа-элементов и отсутствием аппарата для использования альфа-элементов, если такие имеются. Этот двойной провал становится значимым в психоанализе психотика, когда пациент восстанавливает альфа-функцию, а следовательно, и свою способность видеть сны, но при этом остаётся неспособным мыслить. Поэтому он прибегает к проективной идентификации как к механизму работы с «мыслями». Но если альфа-функция развита, то соответственно усиливается доминирование принципа реальности и соответственно изменяется проективная идентификация, которая теряет часть своего качества всемогущей фантазии и усиливается благодаря способности пациента наполнять её содержанием.

6. Клинически это проявляется в усилении у пациента чувства утраты во время речи. Чувство утраты, по-видимому, возникает из осознания того, что теряемые мысли — хорошие или ценные, отличающиеся этим от бета-элементов. Аналитик также начинает ощущать изменение воздействия на него манипуляций пациента.

7. «Мышление», в смысле осуществления деятельности, связанной с использованием мыслей, находится в зачаточном состоянии даже у взрослого человека и ещё не полностью

развито человечеством. В этом направлении предпринимаются вполне осознанные попытки. Проблема становится более точно понятой и исследованной, если рассматривать её как зависящую от

(1) «мыслей»

и

(2) «мышления»,

развившегося в ответ на вызов, брошенный существованием «мыслей». В психоанализе «расстройств мышления» психоаналитическое исследование должно быть направлено на развитие и природу «мыслей», альфа- и бета-элементов, а затем на природу аппарата, используемого для работы с «мыслями». Только тогда исследование может быть посвящено тому, какое содержание или иной фактор способствовали нарушению. Разделение на два класса и приданье приоритета «мыслям» подвержены ограничениям, характерным для отношений, существующих во всех научных работах между воплощением и репрезентативной теорией, к которой, как считается, оно приближается. Разделение и приоритет эпистемологически и логически необходимы, то есть теория о том, что мысль первична по отношению к мышлению, сама первична в иерархии гипотез научной дедуктивной системы по отношению к гипотезе о мышлении. Соответствующий приоритет эпистемологически необходим в воплощении, соответствующем теории мышления, которую я здесь обрисовал.

8. Научная дедуктивная система необходима, поскольку модель, созданная в ходе эмоционального опыта, который она призвана проиллюстрировать, недостаточно абстрактна. Её элементы выводятся из предшествующего эмоционального опыта посредством действия альфа-функции, одновременно с эмоциональным опытом. Модель формируется посредством использования способности, аналогичной той, которая проявляется при бинокулярном зрении двух глаз, сопоставляющих два изображения одного и того же объекта. Использование в психоанализе сознательного и бессознательного при наблюдении психоаналитического объекта аналогично использованию двух глаз при визуальном наблюдении объекта, воспринимаемого зрением. Фройд приписывал эту функцию органа чувств психического свойства исключительно сознанию. Научная дедуктивная система разрабатывается вне эмоционального опыта и представляет собой сознательный акт построения, в ходе которого выбираются знаки и формулируются правила манипулирования ими. Можно ли с пользой адаптировать такую процедуру к психоаналитическому исследованию развития мыслей и аппарата, который их использует? Я отвечу на этот вопрос, предприняв попытку в последней главе и попутно резюмируя содержание этой книги.

9. Первым условием использования теории являются соответствующие условия для наблюдения. Наиболее важным из них является психоанализ наблюдателя, гарантирующий, что он свёл к минимуму собственные внутренние напряжения и сопротивления, которые в противном случае мешают его восприятию фактов, делая невозможной корреляцию сознания и бессознательного. Следующий шаг — направить внимание аналитика. Дарвин указывал, что суждение препятствует наблюдению; однако психоаналитик должен вмешаться, предлагая интерпретации, что подразумевает применение суждения. Состояние блуждания

мысли⁵³, благоприятствующее альфа-функции, вторжение выбранного факта и построение моделей, в сочетании с арсеналом, ограниченным несколькими основными теориями, гарантируют, что резкий разрыв в наблюдении, который имел в виду Дарвин, становится менее вероятным; интерпретации могут возникнуть у аналитика с минимальным нарушением наблюдения.

10. «Выбранный факт», то есть элемент, придающий связность объектам параноидно-шизоидной позиции и, таким образом, инициирующий депрессивную позицию, делает это благодаря своей принадлежности к ряду различных дедуктивных систем в точке их пересечения. Вторжение выбранного факта сопровождается эмоцией, подобной той, которая испытывается при рассмотрении объекта в обратимой перспективе. Весь процесс зависит от расслабленного внимания; это матрица для абстрагирования и идентификации выбранного факта. Из созданной таким образом модели и её соответствия осознанию должна быть абстрагирована специальная теория (психоаналитическая интерпретация). Такая абстракция подразумевает различие между теорией, связанной с научной дедуктивной системой, и психоаналитической интерпретацией. Аналитик должен иметь дело с двумя моделями: одной, которую он призван создать, и другой, содержащейся в материале, представленном пациентом.

11. Сначала я рассмотрю модель, которую должен создать аналитик. Модель создается аналитиком в рамках построения теории и сама по себе, за исключением разговорного смысла этого слова, не является интерпретацией происходящего. Соответствующей теорией может быть теория Эдипа. Аналитик должен на основе материала пациента определить, почему он её порождает и какой должна быть правильная интерпретация. Модель играет свою роль в этом процессе определения, позволяя аналитику сопоставить то, что фактически говорит пациент, с теорией или теориями, известными в психоанализе как Эдипов комплекс. Модель рельефно выделяет два набора идей: те, которые относятся к материалу пациента, и те, которые относятся к телу психоаналитической теории.

12. Создание моделей позволяет сохранить структуру психоаналитической теории, не теряя гибкости, необходимой для удовлетворения сиюминутных потребностей психоаналитической практики. С одной стороны, теория может стать слишком устоявшейся из-за своей конкретности, а с другой – подверженной бесконечному разрастанию, поскольку аналитики, оказавшись в тупике, могут предпочесть создание новой теории *ad hoc*, чем подвергаться трудностям правильного использования существующей. Преимущество теории функций и развития моделирования как ее неотъемлемой части заключается в том, что аналитик имеет достаточно возможностей, чтобы действительно убедить себя, а значит и своего пациента, что под пристальным вниманием находится именно пациент как реальный мужчина или женщина, а не просто предполагаемые психические механизмы манекена. В то же время необходимая для этого детализация не предполагает разрастания теорий. Модель позволяет найти соответствие между мышлением пациента и основной частью психоаналитической теории посредством интерпретаций, тесно связанных как с теорией, так и с высказываниями и поведением пациента. Таким образом, создание моделей увеличивает количество непредвиденных обстоятельств, с которыми можно столкнуться, и уменьшает

53 Reverie — прим.перев.

количество психоаналитических теорий, необходимых психоаналитику в качестве рабочего инструментария. Если бы каждый аналитик поставил перед собой задачу составить справочник по психоаналитическим теориям, чтобы обеспечить основу из минимального числа посылок, из которых можно было бы вывести широкий спектр вспомогательных теорий, я полагаю, что это было бы возможно при наличии менее чем шести основных теорий. Достоинство психоанализа заключается не в количестве теорий, которыми владеет аналитик, а в минимальном количестве, с помощью которого он может справиться с любой вероятной непредвиденной ситуацией. Диапазон такого теоретического оборудования зависит от метода применения и от процедуры построения модели. Если четко различать модель и теорию, будет меньше склонности выдвигать новые теории, когда в этом нет необходимости. Опасность заключается в том, что можно оказаться в тисках теоретической системы, которая вызывает разочарование не потому, что она неадекватна, а потому, что ее неправильно используют.

27

В этой главе будут изложены некоторые теории, которые я счёл полезными. Она также призвана служить примером применения теории функций и других выдвинутых мной идей и, таким образом, служить своего рода кратким изложением основных положений книги.

К — СВЯЗЬ

1. Теория функций и альфа-функция не являются частью психоаналитической теории. Это рабочие инструменты практикующего психоаналитика, помогающие ему справиться с трудностями, связанными с размышлениями о чём-то неизвестном.
2. Термин «функция», используемый в смысле функции личности, не имеет того значения, которым он обладает для математика или математического логика, хотя и обладает чертами, присущими значениям обоих. Я предлагаю его в качестве термина для использования в практике психоанализа; его полное обозначение, если есть сомнения, — «психоаналитическая функция личности», но в противном случае его следовало бы обозначать просто «функцией» и снабжать знаком ψ . Альфа-функция является фактором ψ .
3. Термин «фактор» — это название элемента любой функции. Он может быть представлен ненасыщенным элементом (ξ) в $\psi (\xi)$, и должно существовать осознание/воплощение, приближающееся к нему. Какое осознание/воплощение удовлетворяет ему, в математическом смысле, удовлетворяя условиям уравнения, — вопрос, который должен быть определен самим психоаналитическим исследованием.
4. Теория функций, и альфа-функции в частности, не умаляет и не усиливает существующие психоаналитические теории. В этом её отличие от последующих аргументов.
5. Мелани Кляйн описала аспект проективной идентификации, связанный с модификацией инфантильных страхов: младенец проецирует часть своей психики, а именно свои негативные чувства, в здоровую грудь. Оттуда они со временем удаляются и реинтроверируются. За время пребывания в здоровой груди онищаются

модифицированными таким образом, что реинтroeцируемый объект становится терпимым для психики младенца.

6. Из вышеизложенной теории я абстрагирую для использования в качестве модели идею вместилища — контейнера, в которое проецируется объект, и объекта, который может быть проецирован в этот контейнер: последний я буду обозначать термином «содержимое/контейнируемое». Неудовлетворительность обоих терминов указывает на необходимость дальнейшей абстракции.

7. Контейнер и содержимое подвержены соединению и проникновению эмоций. Таким образом, будучи соединенными или пронизанными, или и тем, и другим, они изменяются способом, обычно описываемым как рост. Разъединившись или лишившись эмоций, они теряют свою жизненную силу, то есть приближаются к неодушевленным объектам. Как контейнер, так и содержимое являются моделями абстрактных представлений психоаналитических реализаций.

8. Следующий шаг в абстракции продиктован необходимостью обозначения. Я буду использовать знак ♀ для абстракции, представляющей контейнер, и ♂ для абстракции, представляющей содержимое.

9. Эти знаки одновременно обозначают и представляют. Они являются переменными или неизвестными, поскольку их можно заменить. Они являются константами, поскольку их можно заменить только константами. В синтаксическом смысле они являются функторами⁵⁴.

10. Пересматривая К в свете предыдущего обсуждения, хотя К по сути является функцией двух объектов, его можно рассматривать как функцию одного.

Самое раннее и примитивное проявление К происходит во взаимоотношениях матери и младенца. Как частично объектное отношение, его можно определить как отношение между ртом и грудью. В абстрактном смысле это отношение между ♂ и ♀ (в соответствии с предложенным мной использованием этих знаков).

В [случае] К (L и H являются факторами и, следовательно, подчиненными) ♂ проецируется в ♀, и следует абстрагирование того типа, который я буду называть «симбиотическим». Под симбиозом я подразумеваю, что ♂ и ♀ зависят друг от друга ради взаимной выгоды и без вреда для каждого из них. В рамках модели мать извлекает пользу и достигает умственного развития из этого опыта: младенец также абстрагирует пользу и достигает развития.

11. Деятельность, которую я здесь описал как совместную для двух индивидуумов, интroeцируется младенцем, так что ♀♂ - аппарат устанавливается у младенца как часть аппарата альфа-функции. В качестве модели используется представление о младенце, который исследует предмет, кладя его в рот. То, что первоначально произносила мать, возможно, в качествеrudimentарной функции обозначения, заменяется собственным детским лепетом младенца.

54 Функтор — это объект, который можно использовать как функцию, или математический термин, обозначающий отображение между категориями. В теории категорий функтор — это отображение между двумя категориями, которое сохраняет структуру. Он сопоставляет объектам одной категории объекты другой. – прим.перев.

12. Используя вышеприведённую модель 11 в качестве модели для абстрагирования теории, описывающей реализацию развития мыслей, я предлагаю следующие термины:

- (a) Предварительное представление / Преконцепция. Этот термин представляет состояние ожидания. Он является аналогом переменной в математической логике или неизвестного в математике. Он обладает свойством, которое Кант приписывает пустой мысли: её можно помыслить, но нельзя познать.
- (b) Представление / Концепция. Это то, что возникает, когда предварительное представление (преконцепция) сочетается с соответствующими чувственными впечатлениями. Я использовал фразу, в которой подразумеваемая модель очевидна. Абстракция от связи преконцепции с чувственными впечатлениями – это \varnothing к δ (НЕ δ к \varnothing).

13. Подводя итог. Отношения между матерью и младенцем, описанные Мелани Кляйн как проективная идентификация, интернализируются, формируя аппарат согласования преконцепции с чувственными данных соответствующего осознания. Этот аппарат представлен моделью: сочетанием преконцепции с чувственными впечатлениями для формирования концепции. Модель, в свою очередь, представлена символом $\varnothing\delta$.

14. Повторение соединения преконцепции и сенсорных данных, которое приводит к симбиотической абстракции, способствует росту δ и \varnothing . То есть способность принимать сенсорные впечатления развивается вместе со способностью осознавать сенсорные данные. Рост δ и \varnothing можно изобразить графически с помощью моделей, описанных ниже в пунктах 16 и 17.

15. Для модели роста \varnothing я позаимствую концепцию ретикулума Эллиотта Жака⁵⁵. (При этом я не предлагаю изменений в его концепции и не утверждаю, что моё использование оправдано внутренними качествами этой концепции. Связь его концепции с моим использованием её в качестве модели должна быть определена в ходе развития психоанализа.) Предлагаемая мной модель такова:

\varnothing развивается путём срастания, образуя ряд соединённых между собой рукавов. В результате образуется ретикулум, в котором промежутки – это рукава, а нити, образующие ячейки ретикулума, – эмоции. Заимствуя у Тарского (Введение в логику: Оксфорд, 1941) его сравнение с анкетой с пробелами, которые необходимо заполнить, рукава можно сравнить с пробелами в анкете. Структура анкеты имеет своим аналогом соединительные нити ретикулума.

16. Моделью роста δ является среда, в которой подвешено «содержимое». «Содержимое» следует представлять выступающим из неизвестного основания. Двумерное изображение даёт парабола. Среда, находящаяся при симбиотическом отношении δ и \varnothing , терпима к сомнению. То есть развивающееся δ можно представить себе как нечто подобное элементам

⁵⁵ Elliott Jaques, ‘Disturbances in the Capacity to Work’, International Journal of Psycho-Analysis, 41 (1960). Мне кажется, что процесс лизиса и сканирования, как его описывает Эллиот Жак, зависит от существования системы преконцепций, которые могут быть применены к разрозненным элементам параноидно-шизоидной позиции. Высокоразвитые научные исследования, как мне кажется, используют теории, или научные дедуктивные системы, в качестве инструмента, посредством которого осуществляется аналог сканирования.

параноидно-шизоидной позиции, но без чувства преследования. Это состояние, описанное Пуанкаре и процитированное мной, как состояние, в котором элементы не видны как связанные между собой.

17. Абстрактно формулируя пункты 15 и 16 выше, мы получаем, с одной стороны, ($\varphi \neq \varphi + \varphi \dots$), а с другой — ($\delta \cdot \delta \cdot \delta \dots$), где знаки «+» обозначают переменные, заменяемые знаками, обозначающими эмоции, а знаки «.» обозначают константу, представляющую сомнение.

18. Рост $\varphi\delta$ закладывает основу аппарата для обучения на опыте. Переосмысление пунктов с 5 по 17 показывает, что из мыслей и развития мыслей возникает аппарат для мышления мыслей. Теперь я рассмотрю природу и работу этого аппарата. Он не может иметь жёсткой и чёткой структуры, которую подразумевает эта попытка изложения, отчасти потому, что эта попытка является прояснением, а отчасти потому, что мне приходится использовать для обозначения чего-то одушевлённого такие термины, как «аппарат» и «структур». Я буду обозначать рост $\varphi\delta$ знаками φ^n и δ^n . Эти знаки не имеют логического значения и предназначены лишь для экономии времени.

19. Обучение зависит от способности φ^n оставаться целостным, но при этом терять свою жёсткость⁵⁶. Это основа состояния ума индивида, способного сохранять свои знания и опыт и при этом быть готовым переосмыслить прошлый опыт таким образом, чтобы быть восприимчивым к новой идеи. Используя это последнее утверждение в качестве модели для абстрагирования, элементы (φ) φ^n должны удерживаться постоянным +, способным к замене, другими словами, он должен функционировать как переменная. Только тогда это может представлять собой аппарат, способный менять эмоции. От замены одной эмоции, представленной +, другой эмоцией, также представленной +, зависит способность φ^n к преобразованию, а следовательно, и его восприимчивость. Аналогичным образом, проницаемость элементов δ в δ^n зависит от значения «.». Значение «+» и «.» определяется тем же фактором, а именно эмоцией, а эмоция является функцией личности.

20. До сих пор я описывал тип абстракции, который я назвал симбиотическим, в котором связь между объектами является симбиотической. К зависел от этого типа связи между объектами на всех этапах психической деятельности и развития. Поскольку «+» и «.» представляют эмоции, очевидно, что нам необходимо знать, какие эмоции совместимы с симбиотическими отношениями и, следовательно, с К. Эта проблема будет прояснена в следующей главе, где я рассмотрю –К.

21. Структура $\varphi\delta$ представляет собой эмоциональное осознание, связанное с обучением, которое постепенно усложняется по мере своего постоянного повторения на протяжении всего психического развития. Это развивающееся и повторяющееся событие, представленное $\varphi^n \delta^n$, я пытаюсь прояснить, изобразив один из его аспектов на более развитой и сложной стадии с помощью более сложного описания.

φ^n представляет собой позднюю стадию в серии стадий, которая начинается с нескольких относительно простых недифференцированных преконцепций, вероятно, связанных с питанием, дыханием и выделением.

56 Там же.

22. Абстракции от симбиотического соединения с ♂ включают образование слов, являющихся названиями различных гипотез, утверждающих, что определённые чувственные данные связаны постоянно. Из таких относительно простых начал ♀ⁿ♂ⁿ последовательно абстрагирует более сложные гипотезы и, наконец, целые системы гипотез, которые известны как научные дедуктивные системы. Эти чрезвычайно сложные системы, хотя и едва ли узнаваемые по своему происхождению, тем не менее сохраняют восприимчивые качества, обозначенные ♀. Явления, связанные с осознаниями, множатся по мере того, как осознания, хотя и ограничены прогрессом в опыте одного человека, всё же умножаются достаточно, чтобы обнаружить расширяющуюся вселенную, которой предположительно соответствует расширяющееся осознание. Следовательно, ♂ⁿ должно иметь феноменологический эквивалент, представленный понятием бесконечности.

Элементы многих научных дедуктивных систем должны допускать комбинирование – использование гипотезы из одной дедуктивной системы в качестве предпосылки в другой – известный пример. Согласно предлагаемой здесь теории, свобода, необходимая для этого, зависит от эмоций, наполняющих психику, поскольку эти эмоции являются связующим звеном, в котором заключены научные дедуктивные системы и элементы ♂ⁿ. Терпимость к сомнению и терпимость к чувству бесконечности – важнейшие связующие звенья ♂ⁿ, необходимые для возможности существования К.

28 – К

1. Некоторым пациентам, стремящимся доказать своё превосходство над аналитиком, опровергая его попытки интерпретации, можно показать, что они неправильно понимают интерпретации, чтобы продемонстрировать превосходство способности к непониманию над способностью к пониманию. Интерпретации, основанные на этом понимании, могут способствовать дальнейшему развитию анализа. Если пациент страдает расстройством мышления, интерпретации, основанные на непонимании, приводят к некоторому прояснению ситуации, но, по-видимому, не способствуют дальнейшему развитию. Для решения этой проблемы необходима более широкая концепция.

2. Используя описанные здесь процедуры, я сначала прибегаю к абстракции, представленной знаком К, а затем меняю [в ней] знак на –К. Предполагая, что знаки всех факторов в К также меняются на противоположные, я использую теории, представляющие факторы в К как преконцепции, для поиска факторов в –К. Эти факторы, теперь используемые как преконцепции, в их новом применении могут быть представлены символом ♀. Возможно, это прояснит мою мысль, если я скажу, что я нахожусь в состоянии восприимчивого наблюдения, в отличие от состояния, в котором я выношу суждение о том, что наблюдаю. Я могу описать это далее, приблизительно сказав, что я погружаюсь в свою задачу наблюдения или что я погружаюсь в факты. Короче говоря, существует множество способов, которыми я могу попытаться описать свою умственную деятельность; все они могут способствовать пониманию того, чем я занимаюсь, но ни один из них не делает этого с той точностью, которая, на мой взгляд, необходима для объяснения процедуры психоанализа.

Преимущество использования знака ♀ для обозначения новой роли факторов в К состоит в том, что он, по крайней мере, указывает на то, что понимание читателем моего смысла должно содержать элемент, который останется незаполненным/ненасыщенным до тех пор, пока он не встретит подходящее осознание, элемент, который может быть представлен знаком ψ (ξ), причем (ξ) сам по себе является знаком ненасыщенного элемента.

3. В следующих разделах делается попытка описать результаты наблюдений, в которых преконцепции используются для решения задачи открытия, а не рассматриваются как пристрастия, которые следует по возможности устраниить, поскольку это в любом случае невозможно.

4. На разных этапах исследования неизбежно возникает вопрос, почему такой феномен, обозначаемый как –К, должен существовать. Ответ на этот вопрос следует искать в психоаналитической работе с отдельными пациентами. Я рассмотрю только один фактор – зависть. Под этим термином я подразумеваю явление, описанное Мелани Кляйн в книге «Зависть и благодарность».

5. Я описал роль проективной идентификации в [случае] К как симбиотическое отношение между ♀ и ♂. В [случае] –К, как показано на примере пациента, представленного знаком ψ (ξ), у которого предварительное исследование выявило зависть как один из факторов, необходимых для удовлетворения (ξ), отношение ♀ к ♂ представлено как ♀ + ♂, где + можно заменить на зависть. Используя эту формулировку для представления младенца и груди (чтобы прибегнуть к менее абстрактным знакам) и используя в качестве модели эмоциональную ситуацию, в которой младенец испытывает страх смерти, я строю следующую модель: младенец отщепляется и проецирует свои чувства страха в грудь вместе с завистью и ненавистью к непотревоженной груди. Зависть исключает симбиотическое отношение. Грудь в [случае] К смягчает компонент страха в страхе смерти, который был спроектирован в неё, и младенец со временем реинтроверирует теперь уже терпимую и, следовательно, стимулирующую рост часть своей личности. В [случае] –К грудь ощущается с завистью, изымая из страха смерти хорошее или ценное и возвращая младенцу его бесполезный остаток. Младенец, который изначально боялся смерти, в итоге оказывается вместилищем безымянного ужаса.

6. Натиск эмоций, связанный с завистью и являющийся одним из факторов личности, в которой проявляется –К, влияет на проективные процессы, так что проецируется гораздо больше, чем страх смерти. В действительности, это похоже на то, как если бы младенец практически полностью истощил всю свою личность. Процесс опустошения, описанный в пункте 5, будучи более масштабным, является более серьезным, чем подразумевается в простом примере проекции страха смерти. Серьезность этого явления лучше всего передает утверждение, что воля к жизни, существование которой необходимо до того, как может возникнуть страх смерти, является частью того хорошего, что было удалено завистливой грудью.

7. Поскольку проекция младенца также вызвана завистью, она ощущается как завистливое опустошение психики, из которой в [случае] К был бы удален только страх смерти. Поэтому едва ли существует младенец, который мог бы реинтроверировать, или в

которого можно было бы принудительно вложить обнаженный страх смерти. В [случае] К ♀♂ могут найти себе место обитания, потому что младенец может повторно интровертировать взаимосвязанную пару. Но $-\text{♀}$ и $-\text{♂}$ возвращаются к объекту, который окружает их лишь немногим более, чем подобием/видимостью психики.

8. В объекте, который я описал в [случае] К реинтровертированным как ♀♂ , отношения элементов ♀ и ♂ были симбиотическими. В [случае] –К он завистлив, и поэтому необходимо более подробно рассмотреть $-\text{♀}$, $-\text{♂}$ и $-(\text{♀♂})$. Существует ряд особенностей, которые трудно объединить в целостной теории. Поэтому я сначала опишу их, не пытаясь давать объяснений.

9. Во-первых, его преобладающую характеристику я могу описать только как «отсутствие чего-либо» или «нехватка»⁵⁷. Это внутренний объект без внешней оболочки. Это пищеварительный тракт без тела. Это Сверх-Я, которое практически не имеет характеристик Сверх-Я, как его понимают в психоанализе: это «Сверх»-Я. Это завистливое утверждение морального превосходства без какой-либо морали. Короче говоря, это результат завистливого лишения или обнажения от всего хорошего, и само по себе оно обречено на продолжение процесса опустошения, описанного в пункте 5, как существующего в своем истоке между двумя личностями. Процесс опустошения продолжается до тех пор, пока $-\text{♀}$ $-\text{♂}$ не станут представлять собой чуть больше, чем пустое превосходство-неполноценность, которое, в свою очередь, дегенерирует в ничтожество.

10. Что касается его сходства со Сверх-Я, то $-(\text{♀♂})$ проявляет себя как высший объект, утверждающий свое превосходство, находя недостатки во всем. Наиболее важной характеристикой является его ненависть к любому новому развитию личности, как если бы это новое развитие было соперником, которого нужно уничтожить. Поэтому возникновение любой тенденции к поиску истины, установлению контакта с реальностью и, короче говоря, к научности, пусть даже самой элементарной, встречает разрушительные атаки на эту тенденцию и утверждение «морального» превосходства. Это подразумевает утверждение того, что в более сложных терминах можно было бы назвать моральным законом и моральной системой, как превосходящих научный закон и научную систему.

11. Перефразируя пункт 10 другими словами, можно считать, что он подразумевает попытку сохранить способность вызывать чувство вины как сущностную способность. Способность вызывать чувство вины является важной и уместной для проективной идентификации в отношениях между младенцем и грудью. Это чувство вины является особым, поскольку его связь с примитивной проективной идентификацией подразумевает, что оно не несет смысла. Таким образом, $-(\text{♀♂})$ контрастирует с осознанностью в том, что не способствует конструктивной деятельности.

12. В отличие от обучающей (К) функции ♀♂^{58} , $-(\text{♀♂})$ занимается сбором значимых элементов ♂ для подчинения $-\text{♀}$, так что эти элементы лишаются своего значения и сохраняется только бесполезный остаток. Интерпретации аналитика являются частью элементов ♂ , которые обрабатываются таким образом, в результате этого они лишаются

57 В оригинальном тексте Бион использует термин “without-ness”. — прим.перев.

58 Можно читать «...обучающей (К) функции модели...» т. к. знак ♀♂ принят Бионом для модели, см. гл.27:13. — прим.перев.

смысла. Этот завистливый процесс изъятия следует противопоставить процессу абстрагирования свойственному $\text{♀} \delta$ в [случае] К. Функция $-(\text{♀} \delta)$, подобная функции Я, отличается от функции Я тем, что она разрушает знание, а не способствует его развитию. Эта разрушительная деятельность окрашена «моральными» качествами, производными от качества «Сверх»-Я $-(\text{♀} \delta)$. Другими словами, $-(\text{♀} \delta)$ утверждает моральное превосходство и превосходство в способности раз-учивания [избавления от обучения].

13. Успешное функционирование $-(\text{♀} \delta)$ приводит к росту развития и силы $-\text{♀}$, а также к постоянно увеличивающемуся накоплению δ -элементов для преобразования в $-\delta$ -элементы. Другими словами, альфа-элементы, каким бы способом они ни были получены, приобретаются для преобразования в бета-элементы. На практике это означает, что пациент ощущает себя окружённым не столько реальными объектами, вещами-в-себе, сколько странными объектами, реальными лишь в том, что они являются остатками мыслей и представлений, лишённых смысла и отброшенных/исторгнутых.

14. Отношение К к $-K$ можно охарактеризовать следующим образом: в [случае] К возможна детализация и конкретизация абстрактного и общего, но в [случае] $-K$ это невозможно, поскольку абстрактное и общее, насколько они существуют, воспринимаются как вещи-в-себе. И наоборот, в [случае] К частное может быть обобщено и абстрагировано, но в [случае] $-K$ частное лишается всех своих качеств; конечным продуктом является не абстракция, а опустошение.

15. Наконец, хотя я не буду развивать эту тему здесь, теории, в которых я использовал знаки К и $-K$, можно рассматривать как отражение осознаний в группах. В [случае] К группа развивается за счёт появления новых идей или людей. В [случае] $-K$ новая идея (или человек) лишается своей ценности, и группа, в свою очередь, чувствует себя обесцененной новой идеей. В [случае] К климат благоприятен для психического здоровья. В [случае] $-K$ ни группа, ни идея не могут выжить, отчасти из-за разрушений, сопутствующих процессу опустошения, а отчасти из-за продуктов этого процесса.

